

Клюкина О. П.

ВЕСЕННЯЯ
ПЕСНЯ САПФО

ЖЕНСКИЕ ЛИКИ — СИМВОЛЫ ВЕКОВ

Женские лики – символы веков

Ольга Клюкина

Весенняя песня Сапфо

«Алгоритм»

2010

УДК 821.161.1Р
ББК 84(2Рос=Рус)

Клюкина О. П.

Весенняя песня Сапфо / О. П. Клюкина — «Алгоритм»,
2010 — (Женские лики – символы веков)

ISBN 978-5-486-03497-8

Ольга Петровна Клюкина – российский прозаик и сценарист, автор ряда исторических произведений для детей и взрослых. На страницах данной книги публикуется роман «Весенняя песня Сапфо», в котором для создания яркого образа своей героини автор использует все возможности: и достоверные сведения, и сохранившиеся стихотворные строки, и легенды, и мифы. Перед читателями раскрываются душевные переживания великой поэтессы, бытовые подробности ее жизни, наставничество и творчество, а также необычный женский мир, созданный Сапфо на острове Лесбос.

УДК 821.161.1Р
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-486-03497-8

© Клюкина О. П., 2010
© Алгоритм, 2010

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	21
Глава третья	40
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Ольга Петровна Клюкина

Весенняя песня Сапфо

Девять лишь муз называя, мы Сапфо наносим обиду.

Разве мы в ней не должны музу десятую чтить?

Платон. «К Сапфо»¹

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2010

© ООО «РИЦ Литература», 2010

* * *

Глава первая

Аполлоновы дети

С холма, на котором в тени оливкового дерева сидели три женщины, открывался вид на морской залив.

В лучах закатного солнца море казалось розовым и напоминало необъятную чашу вина, разбавленного водой. От одного такого вида можно было слегка захмелеть.

Сапфо попыталась сквозь приятную вечернюю дремоту вспомнить, кто из поэтов первым назвал море «винно-цветным», но не смогла.

Кажется, все-таки Гомер. Но, может быть, кто-то и до него, еще раньше?

Впрочем, она не очень старалась, потому что в глубине души всегда была убеждена, что лучшие строки, мелодии, скульптуры, вазы на самом деле создавались не людьми, а богами. И потому не так уж важно, кто первым из смертных произносит слова или в чьей руке оказывается резец.

Почти что не важно...

Наверное, именно поэтому Сапфо никогда не возражала тем, кто ее восхвалял, говоря, что у нее есть «дар божий».

Все правильно, ведь не ее же собственный дар, а божий – подаренный щедрыми олимпийскими богами.

Вот только за что? И почему он достался именно ей, обыкновенной женщине, родившейся на острове Лесбос?

Это для Сапфо оставалось непостижимым и покрытым тайной.

Впрочем, всегда находились завистливые люди, не понимавшие, почему Сапфо с такой спокойной улыбкой, слегка склонив голову, молча выслушивала в свой адрес самые горячие похвалы. И они же потом упрекали ее в излишней гордости.

Мол, эта женщина не обладает ни каплей природной скромности и нарочно делает все возможное и невозможное, чтобы молва о ней, подобно искрам на ветру, разносилась далеко по свету. И чуть ли не сама, своими собственными губами, раздувает костер славы, который вот уже много лет подряд разгорается все ярче и ярче.

Ну и пусть – все равно тех, кто ее искренне любит, всегда было и есть гораздо больше.

Таких людей даже не надо далеко искать – достаточно просто сейчас повернуть голову в сторону подруг, сидящих рядом на холме.

– Как же нам повезло, что мы родились на благословенном острове Лесбос, – первой подала голос женщина по имени Дидамия, тоже не отрывавшая взгляда от морского горизонта. Все это время она сосредоточенно думала о чем-то своем.

– Повезло, наверное... – эхом отозвалась Сапфо.

– Да нет же, я говорю совершенно точно, – тут же пояснила Дидамия. – Недавно я купила у одного мореплавателя карту мира – ее составил кто-то из великих мужей. А торговые люди срисовали ее для себя и пользуются, когда отправляются в плаванья. Так вот, там ясно видно, что вокруг нас и некоторых лежащих за морем стран на земле ничего больше нет. Совершенно ничего, кроме безводных, кишаших змеями песчаных пустынь, непроходимых болот и холодных морей. Наш Лесбос находится в самом центре мира.

– Представляю, какой там, на краю, мрак и ужас – на краю земли, – тут же передернулась, как от озноба, третья из сидящих на холме подруг по имени Филистина – на редкость чувствительная, белокожая красавица. – Неужели только мы каждый день можем наслаждаться солнцем, морем, цветами? А что, если там, среди пустынь, тоже живут какие-нибудь люди? Несчастные, корявые от холодов или ужасающей жары... Ох!

– Не знаю, – пожала плечами Сапфо. – Наша Сандра уверяет, что на самом краю земли живут не менее счастливые народы. Хотя они даже не подозревают о нашем существовании.

– Она имеет в виду страну гипербореев, откуда иногда на нас дует северный ветер борей?

– Ту самую, куда никто из смертных до сих пор не смог попасть? – деловито уточнила Дидамия.

У нее была сильно развита тяга к знаниям в самых различных областях – от медицины до географии и астрономии, и при каждом удобном случае она наполняла свою «шкатулку» новыми сведениями.

– Как жаль, что мы – не богини, – вздохнула Филистина. – Лишь Аполлон Дельфийский видел народ, пребывающий в вечном блаженстве. У них вообще никогда не случается никаких несчастий!

– Нет, – сказала Сапфо. – Сандра рассказывала о людях, живущих в таких далеких краях, где солнце только-только начинает свое ежедневное восхождение на небо. И там у женщин также есть роскошные одеяния, богатые украшения, повозки и многое другое, как и у нас.

– Ты слишком уж веришь тому, что говорит Сандра, – неодобрительно заметила Дидамия. – Конечно, я не спорю, она иногда умеет предсказывать будущее или прочесть прошлое. Но все же она не пифия и не жрица, а лишь одна из твоих учениц. И вовсе не стоит все ее прорицания толковать буквально...

– Ах, иногда, когда Сандра начинает рассказывать свои странные видения или вещие сны, у нее такое лицо... Я просто ее боюсь, – вдруг перебила на полуслове подругу Филистина. – И стараюсь незаметно уйти, чтобы не видеть ее глаз. Они похожи на два факела, зажженных ночью. Мне кажется, что в такие моменты глаза у Сандры и даже все лицо становятся ярко-желтого цвета, цвета необожженной глины. Это так... странно. Вы не замечали?

– Замечала, – улыбнулась Сапфо. – Кстати, Сандра уверяет, что у тех мужчин и женщин на краю света, которых она видела во сне, тоже желтая кожа и такие большие веки, что для взгляда остаются лишь узкие щелки.

– Наверное, они сощуривают глаза из-за близости восходящего солнца, им трудно на него глядеть, – тут же выдвинула научное предположение Дидамия. – И желтый цвет лица по той же причине. Хорошо еще, что солнце не обугливает их кожу и не прожигает насквозь душу, как у некоторых обитателей далекой Ливии. Я слышала, там вообще живут лишь черные как уголь людоеды.

– Погоди, это как – узкие щелки вместо глаз? Так, что ли? – вдруг засмеялась Филистина, оттягивая пальцами края век к вискам.

Дидамия тут же последовала ее примеру и воскликнула:

– Ну, конечно, я так и знала, что Сандра просто любит над нами пошутить! Ха, да ведь через такие узкие щелочки ничего толком и не видно, все сразу же расплывается.

Почему-то Сандра, крайне чувствительная к движениям ветров, перемещениям небесных светил и вообще ко всем переменам в природе и жизни, сегодня с утра была в отвратительном настроении – уединилась от подруг, не желая ни с кем разговаривать (даже с Сапфо!), отказалась от еды и прогулок.

Увы, наверняка Сандра появится теперь в обществе не раньше чем через два или три дня, а все это время будет сидеть взаперти и находиться во власти терзающих ее душу непонятных, тревожных видений.

Сапфо знала, что в такие дни лучше всего оставлять подругу в покое и не досаждать ей.

Но как же Сандра, бедняжка, сама в эти периоды мучилась и изводилась – появлялась потом похудевшей, бледной, со странным, решительным блеском в глазах.

Лишь терпеливое, мудрое время и заботливое внимание подруг постепенно возвращали Сандру к прежней жизни.

Сапфо часто думала про себя: если боги кого-то щедро наградили, то Сандру, похоже, все-таки наказали, заставив улавливать любые, в том числе и самые грозные, предупреждения в грядущем. Впрочем, ведь и счастливые тоже – нет смысла все видеть в чересчур мрачном свете.

– Я же говорю – бедные! Они и живут у самого подножия дома солнца и при этом не могут ясно видеть вокруг себя всего, что на радость людям сотворили вечные боги. Ах, как же это грустно... – снова тихонько вздохнула Филистина.

Сапфо оглянулась на подругу и невольно улыбнулась.

Настроение у Филистины имело удивительное свойство меняться в течение дня и двигалось почти точь-в-точь по ходу движения солнца на небе.

Утром Филистина обычно просыпалась веселой, пела песни, аккомпанируя себе на лире, и щебетала, как птичка. Чаще всего это были только что разученные песни на стихи Сапфо.

После полудня она становилась спокойной и нередко высказывала вслух удивлявшие всех мудрые замечания. Зато вечером на нее неизменно нападала печаль, выражающаяся в непрестанных вздохах. Ночью впечатлительная женщина запросто могла и всплакнуть в подушку, в которую для более крепкого сна были зашиты ароматные листья лаванды.

А так как сейчас был уже вечер, то робкие вздохи Филистины никого слишком не удивляли.

Причем эта тихая голубоглазая женщина с очень светлой кожей, напоминающей паросский мрамор, всеми силами старалась не навязывать своих печальных мыслей окружающим. Но при этом на редкость выразительно вздыхала, терпеливо дожидаясь, когда кто-нибудь из подруг спросит о причинах ее затаенной грусти.

– О чем ты сейчас думаешь? – задала ей привычный вопрос Сапфо, снова переводя взгляд на море, – в него сейчас словно невидимой струйкой кто-то подливал вино, и море на глазах меняло цвет, постепенно становилось алым, приобретая какой-то неуловимый кровавый оттенок.

Может быть, к непогоде, к сильной буре? Или просто потому, что незаметно приближалась осень, перекрашивая в пурпурный цвет листья на деревьях, по-новому расцвечивая траву, небо, море?

Дидамия наверняка бы пояснила, что пурпурная краска для тканей и шерсти обычно изготавливается из одного вида мелких, пурпуноносных улиток, то есть другими словами – берет свой цвет из моря. Из этого можно заключить, что к осени море набирает силу и побеждает все, что существует на земле.

Нет, Сапфо такие логические объяснения не устраивали, и тем более – не сейчас. Нет, не сейчас...

– Пока мы смотрели на море и говорили про другие страны, я вдруг снова вспомнила про нашу маленькую Тимаду, – сказала Филистина, поворачиваясь к Сапфо. – Наверное, тот самый ужасный... ужасный человек, который стал причиной ее гибели, до сих пор спокойно плавает на своем корабле по морям. Он останавливается то на одном, то на другом острове, соблазняя молоденьких девушек. И даже не догадывается о том, что пепел от маленькой Тимады давно развеялся в воздухе и лишь его остатки хранятся на дне погребальной амфоры. Ведь это все – все, что осталось от красоты нашей дорогой подруги...

– Не волнуйся – боги накажут его по заслугам, – сразу же сделалась серьезной Дидамия, которая, кстати говоря, слыла одной из лучших наставниц в школе для девочек. – Как уже наказали и саму Тимаду за ее неразумность и невозддержанность. Разве не так?

Филистина на это ничего не ответила и только посмотрела на подругу с молчаливым упреком. Но даже черные ресницы, обрамляющие очень светлые, ясные глаза Филистины, сразу сделались похожими на колючки – она не могла спокойно выносить, когда кто-нибудь пренебрежительно отзывался о Тимаде.

Ведь добрая память да горстка пепла – все, что теперь осталось от умершей девушки, родившейся, судя по всему, вопреки воле богов и потому слишком рано оставшейся без матери. Всего лишь краткий миг была счастливой, обретя любимых подруг в кругу Сапфо, и потому слишком несправедливо, жестокосердно ругать ее, сидя на цветущем холме...

– Да нет, я просто имела в виду идею справедливого возмездия, – сразу же постаралась смягчить свой приговор Дидамия. – Лично я нисколько не сомневаюсь, что от соблазнителя Тимады давно уже остались лишь кости, начисто обглоданные рыбами. Ты когда-нибудь видела такие кости, похожие на детские игрушки, – их порой после сильной бури выбрасывают волны на берег?

– Да, – еле слышно ответила Филистина.

– Они всем нам напоминают, что каждый человек – лишь игрушка в руках богини судьбы Тихэ, которая вершит людскими судьбами. И потому не надо ее напрасно гневить, – продолжала Дидамия, следуя своей учительской привычке пояснять другим самые очевидные вещи и все расставлять по своим местам. – Там вот, однажды на берегу я нашла чьи-то начисто отполированные волнами останки и сказала сама себе, что это все, что осталось от мореплавателя, соблазнившего маленькую Тимаду. С тех пор лично я, Филистина, стала совершенно спокойно вспоминать об этой истории и советую тебе тоже последовать моему примеру.

– Нет, не могу, – покачала головой Филистина, и на ее ресницах блеснули слезы. – Я пробовала забыть – нет, не получается. А как заразительно Тимада умела смеяться! Помните, ее было слышно на другом конце леса? Иногда, когда кто-нибудь из наших подруг начинает чересчур громко смеяться, я вздрагиваю и потом долго не могу успокоиться. И хотя прошло уже много лет, с тех пор я никогда и ни у кого не слышала такого смеха. Да, Дидамия, – никогда и ни у кого. Нет, пожалуй, только у Фаона, когда он был малышом...

И, проговорив это, Филистина чуть ли не с вызовом, снизу вверх посмотрела на Дидамию, которая заметно выделялась среди подруг высоким ростом, физической силой и крупным, почти мужским телосложением. Но было кое-что, чего Дидамия точно не могла спокойно переносить, – это укоризненный взгляд и особенно слезы хрупкой Филистины.

– Да ведь и сама Тимада была еще совсем ребенком, – поспешила на выручку подругам Сапфо. – Девочкой, которая родила ребенка, но при этом в душе не успела превратиться в женщину. Оказывается, и такое бывает.

И все три женщины на некоторое время замолчали, вспоминая о той злополучной истории, когда-то наделавшей в школе Сапфо так много шума.

Тело Тимады – сей прах.
До свадебных игр Персефона
Свой распахнула пред ней
Сумрачный, брачный чертог...² —

про себя вспомнила Сапфо строки своего давнего стихотворения, которыми она когда-то оплакала Тимаду – последнее, что можно было для нее сделать.

Ведь «маленькая Тимада», как называли эту девушку подруги, до последнего момента скрывала свою беременность и даже пыталась от нее самостоятельно избавиться при помощи специальных отваров из трав и ядовитых, но, к счастью, не смертоносных грибов.

Но потом все же во всем призналась, и первым человеком, который узнал о трудном положении девушки, была ее лучшая подруга – Филистина.

² Перевод В. Иванова

Правда, сначала Тимада без устали твердила о том, будто случайно повстречала в лесу лучезарного бога Аполлона, который ею страстно овладел. И потом также внезапно исчез, наградив девушку поистине наслаждением и богоравным наследником.

И лишь в горячечном бреду, уже во время родов, Тимада все же сказала правду. Оказывается, она случайно встретила в лесу с каким-то заезжим мореплавателем, и этот догнавший ее незнакомец стал отцом ребенка. Хотя сам он навряд ли когда-нибудь об этом узнает: должно быть, он даже не вспоминает о мимолетной встрече с беспечной девушкой на залитой солнцем поляне.

Но как бы ни были сердиты некоторые женщины на маленькую Тимаду, все же никто не был готов к тому, что это веселое, доброе, неугомонное создание погибнет во время родов. словно жертвенное животное, девушка буквально истекла кровью, которую ничем невозможно было остановить. Бедняжка угасла прямо на руках у повивальных бабок и Филистины, то смеясь сквозь слезы, то впадая в продолжительное забытие: видимо, ее организм не был готов к такому нелегкому испытанию, как материнство.

Впрочем, юная мать все же успела своей лучшей подруге Филистине, державшей Тимаду за тонкую, смуглую и невозвратно слабеющую руку, рассказать и про моряка, и даже дать имя новорожденному мальчику – она попросила непременно назвать его Фаоном.

Филистина так и не успела уточнить, почему подруга выбрала именно это имя. Быть может, так звали того злополучного моряка, о котором Тимада, даже стоя на пороге подземного царства, не проронила ни одного дурного слова? Или же просто маленькой Тимаде нравилось это звучное мужское имя?

Младенца, которого сама мать так никогда и не увидела, сразу же передали пожилой молочнице по имени Алфидия. Эта добрая женщина круглый год жила за городом в небольшом добротном доме на краю буковой рощи и держала молочных коз. После смерти подруги женщины решили, что до своего совершеннолетия мальчик-сирота останется на их общем попечении и вполне может жить в доме Алфидии, а потом его отправят учиться в Афины.

С первых дней бездетная молочница называла Фаона «своим ненаглядным сынком», которого ей на старости лет в утешение послали всемогущие боги. Так что появление на свет Фаона почти не помешало привычной жизни в школе Сапфо, и обычно они видели малыша только летом, когда перебирались за город, в эти тихие, благодатные места на берегу Эгейского моря.

Сапфо вдруг задумалась: а правильно ли она поступила, когда в порыве печали написала в прощальном стихотворении о Тимаде такие слова:

Сверстницы, юные кудри отсеки острым железом,
Пышный рассыпали дар над девственной урной³.

Имела ли право она назвать погребальную урну – девственной, если Тимада не только зачала, но и родила ребенка?

С точки зрения очевидного и разумного это совершенно неправильно. Но тем не менее было правдой! Ведь маленькая Тимада, увы, не успела испытать ни волнений замужества, ни радостей материнства, ни даже по-настоящему глубоких, сладких мук любви... И потому ее душа навсегда осталась девственной, как душа маленькой девочки.

И подруги тогда поняли, что хотела сказать Сапфо, скорбным хором подхватив странные слова. Эти смелые слова были правдивей настоящей правды, и никто из женщин не захотел изменить из погребальной песни ни слова.

³ Перевод В. Иванова

Их маленькая Тимада и жила по-детски – так, словно все время куда-то торопилась. Она не ходила, а бегала, очень быстро ела, пила разбавленное холодной водой вино большими, жадными глотками и даже смеялась взахлеб, как будто наперед знала, что ей отпущено совсем мало времени. Или девушку заранее оповестил об этом кто-то из добрых богинь?

– Нет, я была не права: от Тимады остался не только пепел, – вдруг светло улыбнулась Филистина. – У Фаона даже глаза точь-в-точь такие же, как у матери. Они так похожи на воробьиные ягоды – две спелые черешни. Вот только волосы другие: светлые, словно в них с детства застыла морская соль...

Но она тут же пожалела о том, что вспомнила вслух имя мальчика.

– А ведь я как раз собиралась поговорить с Фаоном по поводу его отъезда в Афины, – задумчиво, как бы между делом проговорила Сапфо. – Хорошо, что ты мне об этом напомнила, Филистина. Пожалуй, нужно с ним встретиться завтра утром.

– Ах, как же... – сразу же обмерла Филистина. – Но... почему – Афины? Зачем – Афины? Ведь тогда мы не будем видеть нашего Фаона. Эти Афины от нас так далеко – почти на краю света!

– Ты преувеличиваешь, Филистина, – улыбнулась Сапфо. – И потом ты, наверное, забыла, что маленькая Тимада сама прибыла на наш остров из Афин – это ее родной город. А значит отчасти является родиной и Фаона. В Афинах до сих пор живет и процветает отец Тимады. Пришла пора ему взглянуть на своего внука.

– Ах, я вижу, это ты обо всем позабыла, Сапфо, – с упреком посмотрела на подругу Филистина. – Но я-то прекрасно помню, какой это ужасный человек – отец маленькой Тимады. Он поддался на уговоры мачехи и отправил дочь на Лесбос, к каким-то своим дальним родственникам, и потом не интересовался ее дальнейшей судьбой. Хорошо, что девушка попала в твою школу, она ведь была одной из первых... И даже когда Тимада умерла, он не ответил на письмо, не захотел признавать Фаона. Все это время он даже ни разу не пытался узнать, как живет его родной внук и жив ли он вообще... И потом, Сапфо, я поняла, что ты передумала куда-либо отправлять Фаона. Мы все, все так считали.

– Почему я должна передумать? Просто я ждала писем из Афин. И вчера наконец-то их получила.

– Каких писем? – как-то сразу поникла Филистина и еще больше стала похожа на цветок, который к вечеру сжимает нежные, трепетные лепестки, прячась от чужих глаз.

– Во-первых, от отца Тимады, старого Анафокла. За эти годы он успел потерять на войне двоих сыновей и сделался гораздо мудрее. Теперь он живет мечтой увидеть Фаона, обещает осыпать внука чистым золотом, сделать знатнейшим человеком в Афинах и оставить, как единственному теперь мужчине в их семье, все свое наследство.

– Можно ли верить глупой старческой болтовне? – вступила в разговор и Дидамия. – Какое золото можно ожидать от человека, который за все эти годы не подарил своему родному внуку даже глиняной свистульки? Можно сказать, он бросил Фаона на произвол судьбы! И если бы не твоя доброта, Сапфо, этот ребенок вырос бы необразованным пастухом и разбирался только в козах...

– Ты права, Дидамия, я тоже не слишком верю словам Анафокла, разумом которого, похоже, управляет его вторая, а может быть, уже третья или пятая жена. И я вовсе не собираюсь отправлять нашего Фаона в неизвестность, – пояснила Сапфо. – Поэтому я написала также своим влиятельным друзьям в Афинах. В случае чего они обещали радушно принять у себя мальчика, найти ему лучших учителей, а если понадобится – на какое-то время взять на себя все расходы о сыне одной из учениц нашей прославленной школы.

– Но почему, Сапфо, ты думаешь, что они это сделают лучше нас? – спросила Филистина дрожащим от обиды голосом. – Я почти уверена, что дед Фаона давно выжил из ума. И зовет

внука из-за корысти, потому что теперь сам нуждается в поддержке. И будет вполне справедливо отомстить ему за дочь тем...

– Лишь боги знают, что движет человеческими поступками, – прервала подругу Сапфо. – Мальчик не может всю жизнь жить среди женщин. Это, Филистина, не пойдет ему на пользу. Ведь Фаон не случайно родился мужчиной и потому должен сам испытать свою судьбу. Мужчины живут по своим законам. И пришло время, чтобы Фаон о них узнал. На днях, получив от меня рекомендательные письма, он покинет Лесбос на корабле.

– В какой-то степени я даже завидую Фаону, – призналась Дидамия. – Как бы мне хотелось быть на его месте... при условии, конечно, если бы я тоже родилась мужчиной. Афины не по дням, а по часам становятся настоящим центром всех наук и искусств – недаром этому городу покровительствует богиня мудрости. А ты, Сапфо, наверное, первым делом поднялась бы в Афинах на холм Мусейдон. Говорят, там незримо живут музы. А представьте, если Фаон на самом деле получит громадное наследство? О, какие же перед ним откроются возможности!

Сапфо только молча кивнула, а про себя подумала, что сама она навряд ли хотела бы жить в прославленном городе, названном в честь мудрой, совоокой богини. Говорят, однажды, по преданию, Афина в гневе бросила на землю флейту только потому, что при игре на этом инструменте у нее некрасиво искажалось лицо.

И почему-то в одном этом жесте Сапфо видела что-то чуждое и даже слегка враждебное для поэтов. Разве важно, как ты выглядишь, когда из груди льется песня?

Нет, Дидамия все же права: Лесбос – лучшее место в мире.

– ...А политика? – все больше расходилась Дидамия. – Мужчины не умеют жить без политики, и наш Фаон тоже может прославиться как оратор или известный полководец. Может быть, ему даже придется воевать с иноземцами, с варварами...

– Ах нет, пожалуйста, только не это, – побледнела еще больше Филистина.

– Не волнуйся, скоро наш мальчик в любом случае станет эфебом, – успокоила подругу Дидамия. – Когда Фаону исполнится восемнадцать лет, его, как и всех его сверстников, внесут в гражданские списки, и два года он будет служить в военном отряде, находясь на полном государственном обеспечении. А после первого года службы принесет клятву на верность Афинам, как и подобает настоящему мужчине.

– И потом – все это время он будет в Афинах не один, мои друзья о Фаоне прекрасно позаботятся, – прибавила Сапфо.

– Ах да, да... – в который раз вздохнула за сегодняшний вечер Филистина, но теперь она закрыла лицо руками и не смогла сдержать подступивших к горлу рыданий.

Ведь Филистина почти совершенно успокоилась насчет дальнейшей судьбы Фаона, считая, что Сапфо мысленно переменила свое давнишнее решение. И потому оказалась совершенно не готова к такому повороту событий. Все знали, что к тому моменту, когда Фаону исполнилось ровно шестнадцать лет, его «матушка» – добрейшая молочница Алфидия – серьезно и, как выяснилось, неизлечимо заболела. Женщины посчитали неразумной жестокостью лишать Алфидию в такой тяжелый момент поддержки самого любимого на свете человека, которым стал для старушки Фаон. Разумеется, отъезд юноши в Афины пришлось отсрочить.

Когда же спустя примерно полгода Алфидия скончалась, Сапфо больше не заговаривала о Фаоне. Вот Филистина и решила, что сына маленькой Тимады просто-напросто негласно решили оставить на острове.

В самом деле, ну кому может помешать этот красивый, веселый мальчик, своей улыбкой, порывистыми жестами и стремительной походкой так похожий на Тимаду?

Но, оказывается, Сапфо ничего не забыла, а просто ждала каких-то писем.

И вот они пришли. И, оказывается, должны мигом переменить судьбу Фаона.

Сейчас Филистина буквально кляла себя в душе за то, что первой затеяла на холме весь этот разговор про Тимаду, «того самого ужасного человека» и Фаона.

А следовательно, сама же во всем виновата.

Она простодушно думала, что, если бы не ее болтливость, может быть, все как-нибудь бы и обошлось. Сапфо могла забыть о письме, потом в судьбу Фаона вмешались бы какие-нибудь добрые божества, а дальше она сама бы что-нибудь придумала...

Когда-то Филистина своей рукой вложила в затвердевшие губы Тимады обол – монетку, чтобы подружка могла уплатить Харону за перевозку в страну мертвых.

А теперь вот и Фаон тоже должен навсегда от нее уплыть. Пусть и не в подземную страну, откуда никто не возвращается, но тоже очень, очень далеко. И, вполне возможно, Филистина больше никогда не увидит сына маленькой Тимады. А вдруг Фаон действительно вяжется в борьбу против тирании или отправится на войну в далекие страны?

Филистина почувствовала, что кто-то гладит ее по волосам, и с надеждой подняла голову.

Нет, это была не Сапфо. Сейчас ее пыталась утешить сильная, теплая рука Дидамии, на которой в лучах закатного солнца поблескивали серебряные кольца и браслеты. А та, от кого зависела судьба мальчика, наоборот, сидела отвернувшись и пристально смотрела на море, слегка сдвинув брови.

Филистина знала, что Сапфо не любила менять своих решений, и черточка между бровей не предвещала ничего хорошего.

– Я пойду пройду, – резко встала Сапфо и быстро не оглядываясь пошла вниз по склону, по направлению к буковой роще.

Подруги и не подумали двинуться за ней следом. Слова «пойду пройду» для них привычно означали, что сейчас Сапфо необходимо побыть одной.

Все знали, что свои стихи Сапфо обычно сочиняла во время пеших прогулок, – она сама рассказывала, что тогда нужные слова сами собой откуда-то появляются в такт шагам.

Да и ритм знаменитых стихов Сапфо был такой, словно она поднималась в гору, а потом неожиданно выходила на ровное место и переводила дыхание.

Тот, кто не знал образа жизни Сапфо с ее ежедневными пешими прогулками, удивлялся необычайной естественности ее поэзии. Говорили: стихотворения Сапфо легкие – как само дыхание. Или – они похожи на стук влюбленного сердца, которое то бьется ровно, то словно падает в глубокую сладкую бездну.

Сапфо, как всегда, с улыбкой выслушивала все эти речи, а про себя думала: нет, ее стихи скорее похожи на быстрые шаги... Они – как топот загорелых ног, обутых в легкие сандалии, что без усталости топают по холмам и рощам, вышагивая слово за словом.

Строфы, которые повсеместно стали называть «сапфическими», состояли из трех одиннадцатисложных стихов и короткого заключительного стиха. Словно неутомимая Сапфо вдруг случайно спотыкалась на своем пути, но потом опять переводила дыхание и продолжала двигаться дальше.

Вот и сейчас, спускаясь с холма в долину, заросшую виноградником, она почти моментально забыла разговор про маленькую Тимаду и ее подросткового Фаона и даже про все свои дневные заботы.

Сначала Сапфо слышала только звук своего сердца, сильно и по-прежнему молодо бившегося в груди, но потом начали незаметно появляться слова:

Я негу люблю, Юность люблю, Радость люблю...⁴ —

⁴ Перевод В. Иванова.

стучало в груди у Сапфо, вышагивающей сейчас по своей любимой дорожке вдоль виноградников. Эта тропинка то плавно поднималась вверх, так что становился виден край моря, то снова спускалась в долину.

Вечно юный, лучезарный бог солнца – Гелиос – уже возвращался домой на своей колеснице, продолжая попутно рисовать на небе неповторимые, пронизанные розовым светом картины.

Да, Гелиос, как и все великие боги, был настоящим творцом, показывая людям пример неутомимости и щедрости. Каждый день он продолжал трудиться до поздней ночи, не желая уступить темноте, цепляясь за каждый последний миг...

...Радость люблю
И солнце...⁵ —

прибавилось к стихотворению еще одно слово.

«А можно ли, например, быть влюбленной в Гелиоса так же, как в человека?» – вдруг задумалась Сапфо. Она чувствовала, что при виде золотистых верхушек деревьев и сияющих над головой облаков ее переполняет не только признательность к богу солнца, но и настоящее, эротическое чувство. Да-да, глубокое наслаждение от созерцания величественной красоты природы.

И тут же ответила себе: конечно же можно, если не обманывать себя и спокойно признать свой жребий – любить безответно и беззаветно, не ожидая за это никакой награды.

Жребий мой – быть
В солнечный свет
И в красоту
Влюбленной...⁶ —

целиком сложилось в голове у Сапфо новое четверостишие.

Но Сапфо тут же испугалась своих чересчур смелых мыслей.

Что это ей сегодня приходит в голову: тягаться с богами в творчестве, влюбляться в самих богов?

Это ли не гордое безрассудство? Она ведь прекрасно помнила, что стало с фракийским поэтом Фамиридом, когда он захотел вступить в состязание с музами в пении и игре на кифаре. И даже самонадеянно объявил, что в случае победы возьмет одну из муз себе в жены.

Тоже, наверное, захотел совершенного искусства, вечной любви... А что из этого вышло?

Фамирид был не только побежден и ослеплен музами, чтобы навеки забыть о любых сравнениях, но они в наказание лишили поэта самого главного – дара пения и игры на кифаре.

Нет, все что угодно – но только не это!

Где-то совсем близко послышался шум ручья, и Сапфо захотелось немного перевести дух и умыться.

Она чувствовала, как от быстрой ходьбы разгорелись ее щеки и даже ступни ног, которые так приятно было бы сейчас подержать в прохладной воде.

Но, подойдя к ручью, Сапфо вздрогнула от неожиданности: буквально в нескольких шагах от нее, повернувшись спиной, стоял незнакомый мужчина.

⁵ Перевод В. Иванова.

⁶ Перевод В. Иванова.

Он был стройным и очень загорелым, и оттого тело незнакомца казалось вырезанным из темного дерева, причем с величайшей искусностью. Оно красиво блестело на солнце как отполированное.

Мужчина повернулся к Сапфо, и только теперь она узнала в профиль Фаона.

Но, великие боги, как же он изменился и вырос за это лето!

Фаон сосредоточенно смотрел в воду, держа в руках небольшой трезубец, – он охотился на рыб и не обратил внимание на шорох в кустах. С этим трезубцем юноша очень походил на родного сына морского бога – Посейдона, который на время покинул морские глубины, подыскав себе развлечение в ручье.

Филистина оказалась права – у Фаона были светлые волнистые волосы, похожие на морскую пену в штормовую погоду.

В разгоряченном воображении Сапфо, которая вот уже целый час занималась сочинительством, один за другим с необыкновенной скоростью стали мелькать божественные образы.

Нет, когда Фаон вот так пристально смотрел в воду, он скорее напоминал прекрасного Нарцисса, который никак не мог оторвать взгляда от своего отражения в ручье. И если бы Фаон сейчас на ее глазах действительно превратился в цветок, то это почти наверняка был бы именно нарцисс. Ну, конечно, а мягкие волосы юноши, слегка вздыбленные ветром, стали бы белыми капризными лепестками...

Тогда получается, что Сапфо сейчас выступает в роли нимфы Эхо, которая, будучи отвергнутой Нарциссом, подглядывала за ним из-за кустов и потом от горя превратилась в скалу?

Впрочем, от Эхо все равно навеки остался ее голос, живущий в горах.

Когда-нибудь и от нее, Сапфо, тоже останется всего лишь один голос. Только ее голос – ее стихи.

Весь вопрос только в том, как долго голос может звучать после смерти обыкновенной, земной женщины? Вот если бы...

Но продолжить Сапфо не пришлось, потому что в этот момент Фаон издал громкий, победный крик и вонзил в воду свой трезубец. Однако дно в этом месте ручья оказалось неровным, так что юноша не удержался на ногах и с шумным плеском упал в воду.

Сапфо выскочила из своего укрытия – как бы мальчишка не утонул! Но он, смеясь, уже поднимался на ноги.

– Все в порядке? Я гуляла рядом и вдруг услышала какой-то шум.... – проговорила Сапфо.

– О, здесь мелко, – тряхнул волосами Фаон, и с них во все стороны полетели мелкие серебристые брызги. – И это хорошо, ведь я совсем не умею плавать! Поэтому я купаюсь только в ручье, да и то захожу по колено.

– Почему же ты не научишься? В моей школе даже маленькие девочки умеют плавать в море. Тебе наверняка известна пословица о необразованных людях: «Он не умеет ни писать, ни плавать...»

– Я много раз пробовал, но меня сразу же как будто кто-то хватает за ноги и тянет под воду, – по-детски пояснил Фаон.

А Сапфо снова подумала про себя: так и есть, отец тебя к себе тянет, Посейдон. Вон какой сыночек у него уродился, красавчик с трезубцем – настоящее украшение подводного царства!

На теле Фаона сейчас была только одна белая повязка, прикрывающая бедра.

Но теперь повязка намочла, и Сапфо невольно обратила внимание, что Фаон не только ростом стал похож на настоящего мужчину, нет, вовсе не только широкими, загорелыми плечами...

Этот мальчишка был так бесстыдно, откровенно красив, что обычные капли воды на его пупке казались сверкающими алмазами, а повязка – сотканной из тончайшего, почти прозрачного шелка, не скрывающего, а, наоборот, подчеркивающего прекрасную наготу юности.

И снова этот удивительный контраст в наружности Фаона: светлые волосы, и при этом – темные, лучистые глаза и черные, словно тщательно прорисованные углем брови на округлом, почти детском лице.

Нет, его мать, Тимада, была совсем другой. Сапфо запомнила ее смуглой, хрупкой и какой-то опасно звонкой, как чересчур сильно натянутая струна кифары.

– А я даже немного испугался, – весело засмеялся Фаон, и на его щеках обозначились небольшие ямочки. – Когда ты неожиданно выбежала из кустов, мне показалось, будто ко мне на помощь явилась сама Артемида, богиня охоты...

– Да? Я действительно похожа на богиню? – тоже смеясь, переспросила Сапфо, удивляясь, как такое глупое бахвальство могло сорваться у нее с языка. – Скорее уж тогда на наяду – нимфу ручьев и мелких речушек...

Что с ней происходит? Она ведь сама учила девочек, что никто из смертных не должен себя сравнивать с божествами, чтобы не навлекать на себя их гнева. Зачем она теперь все это говорит?

– Нет, на богиню, – кивнул Фаон и посмотрел на Сапфо серьезно, с уважением. – Ты самая красивая и умная из всех, кого я знаю. Ты и еще Филистина. Для меня вы обе – все равно как богини.

Разумеется, Фаон знал, как много сделала для него эта необыкновенная женщина, которую он нередко видел блуждающей в одиночестве по холмам и долам. И с детских лет был осведомлен о том, что Сапфо не только его добрая покровительница, но еще и прославленная по всей стране поэтесса.

Но почему-то самой Сапфо простые, бесхитростные слова юноши показались вдруг очень мудрыми. Ведь она и вправду сейчас, подобно Артемиде, возвращалась домой с охоты! Вот только добычей ее была не дикая лань, а несколько новых строк, которые она ночью запишет на пергаменте.

И кто скажет, что такая добыча чем-то хуже или дается легче?

– Хорошо, что я тебя встретила, – сказала Сапфо, стараясь не смотреть на Фаона чересчур пристально, но, чувствуя, как ей трудно оторвать взгляд от его совершенного и почти что обнаженного тела. – Наконец-то я получила письмо из Афин. Мои друзья с радостью примут тебя в своем доме. Не говоря уже о твоём родном деде Анафокле, который тоже находится в нетерпеливом ожидании встречи. Тебе, Фаон, пора собираться в путь!

– О! Спасибо, спасибо! – воскликнул Фаон.

Всего несколько стремительных шагов по воде, и он уже крепко сжимал руки Сапфо в своих ладонях, не зная, как еще выразить благодарность.

– Ты так добра ко мне, Сапфо! Я никогда не забуду, как много ты для меня сделала! И теперь – снова, снова...

Сапфо почему-то неприятно кольнуло в сердце проявление столь бурной радости юноши.

Разве ему так плохо здесь живется? Значит, втайне Фаон всегда мечтал поскорее от них уехать? Неужели неблагодарность, словно капля яда, всегда тайно хранится в душе самого верного из мужчин?

Несмотря на то что Фаон только что искупался в холодном ручье, у него оказались на редкость горячие руки, от которых буквально исходил нетерпеливый жар юности.

– Тебе так сильно хочется покинуть Лесбос? – строго спросила Сапфо, высвобождаясь из этих почти что объятий. – Не терпится зажечь взрослой жизнью?

– Да... Нет, не знаю, – сразу же смутился своего порыва Фаон и затем проговорил, словно обращаясь к себе самому: – Вообще-то мне везде одинаково хорошо. Как ты скажешь – так я

и сделаю. Вы с Филистиной лучше знаете, что мне надо. Моя Эвриклея всегда говорила, что ты – самая умная и все должны тебя слушаться...

– Кто так говорил?

– Ну, моя добрая воспитательница, Алфидия, – немного покраснел Фаон. – Я в шутку называл ее Эвриклеей, как преданную кормилицу Одиссея. Ей это очень нравилось...

Сапфо с удивлением, новыми глазами посмотрела на Фаона: надо же, оказывается, все это время у мальчика была жизнь, о которой она не имела ни малейшего представления, – со своими радостями, печалью, шутками, заботами. Только сейчас она поняла, каким горем для Фаона стала смерть его доброй воспитательницы, заменившей ему обоих родителей, его «Эвриклеи».

И потом, по всей видимости, юноша был неплохо образован и разбирался в деяниях великих героев древности, если в душе мнил себя Одиссеем!

– Ладно, не буду сейчас тебе мешать. Быть может, в ловле рыбы тебе еще улыбнется удача, – сказала Сапфо, торопливо отворачиваясь от Фаона. – Приходи завтра ко мне, и мы обо всем обстоятельно поговорим. А я постараюсь подготовить для тебя рекомендательные письма.

– Хорошо. Как скажешь – так я и сделаю, – снова, как послушный ученик, ответил Фаон.

И Сапфо подумала, что ведь он, по сути, совсем еще ребенок, который должен уезжать неведомо куда, на материк, к чужим людям. Ребенок, который успел пережить много настоящего горя. А теперь должен отправиться в дорогу, чтобы стать настоящим мужчиной. И больше это не подлежит обсуждению.

– По утрам я обычно читаю в садовой беседке, – на прощание сказала Сапфо. – Там нам никто не помешает обсудить все подробности отъезда.

– Да-да, я приду, приду, – торопливо кивнул Фаон, и несколько брызг от его волос упали Сапфо на грудь.

Сапфо могла поклясться чем угодно, что эти капли показались ей кипящими, и она даже вздрогнула от необычного, странного ощущения.

Всемогущие боги, наверное, она просто сегодня слишком сильно переутомилась!

И действительно, отойдя от ручья и скрывшись от Фаона в кустах орешника, Сапфо почувствовала, что ее совершенно покинули силы. Пройдя несколько шагов по тропинке, заросшей по краям дикой спаржей, женщина снова спустилась к воде, слегка ополоснула себе лицо, плечи и присела на траву.

Но странное, беспокойное чувство, похожее не смятение, почему-то не проходило, а, наоборот, только возрастало у нее в душе. Не слишком ли строго сейчас она разговаривала с этим юношей-сиротой, который и без того был обделен лаской, вырос без отца и без матери? Она вела себя с ним, как старая, строгая учительница, даже спрятала за спину руки.

А ведь, наверное, его «Эвриклея» нередко ласкала и целовала своего любимчика – как же приятно это было делать!

Или, наоборот, – вела себя сейчас чересчур вольно? Звонко смеялась, как будто Фаон был ее любимой подружкой! Но ведь он почти что ребенок и может истолковать ее веселость неправильно.

Конечно, гораздо разумнее было бы уже сегодня обо всем переговорить с Фаоном, чтобы больше не думать о предстоящей встрече. А лучше всего просто передать ему через кого-то из подруг рекомендательные письма. Зачем тратить на столь незначительные дела столько драгоценного времени? Почему она сама перенесла разговор с Фаоном о неминуемом отъезде на завтрашний день?

Сапфо посмотрела в воду, почти гладкую на этом изгибе ручья, и тихо ужаснулась: как же она растрепана! Уставшая, растрепанная после длительной ходьбы, но почему-то такая же счастливая, как в молодые годы.

Она вдруг отчетливо вспомнила тот миг, когда Фаон внезапно подбежал к ней и близко заглянул в лицо. Почему такие пустяки вдруг стали ее волновать? Что с ней происходит? Он сравнил ее с богиней – и она на самом деле почувствовала в сердце неземной огонь.

Перед сном Сапфо решила навестить бедняжку Сандру, вот уже которую ночь страдающую бессонницей. Может быть, подруга согласится хотя бы немного поесть?

Сапфо взяла киаф – небольшую вазу с одной длинной ручкой, до краев наполненную медом, завернула в салфетку свежее испеченного хлеба. Ведь если мед в нужных пропорциях смешать с водой и добавить в напиток чуть-чуть вина, получается прекрасное успокоительное средство. Неслышно, на цыпочках Сапфо вошла в комнату подруги, но сразу поняла, что та снова не спит.

Несмотря на потушенные светильники, в комнате было светло от лунного света, проникшего через распахнутые настежь окна.

Сандра сидела на своем ложе, обхватив руками колени, и неотрывно смотрела на ночное небо.

Если бы в подобной позе Сапфо застала Дидамию, то ее бы это нисколько не беспокоило: Дидамия интересовалась всеми астрономическими открытиями афинских и вавилонских ученых и нередко, напрягая свой деятельный, пытливый ум, старалась тоже отыскать на небе какое-либо новое созвездие или планету.

Но во взгляде Сандры, повернувшей к окну свое узкое лицо с черными, гладко зачесанными назад волосами, было что-то звериное, волчье. В нем прочитывалась такая неизбывная, жуткая тоска, что Сапфо невольно внутренне содрогнулась.

Боги, каких призраков видит сейчас ее подруга, глядя на лунный диск? Вглядывается ли она мысленно в прошлое или в неизбежное будущее? Да и зачем знать человеку то, что, наверное, нарочно, для его же спокойствия, до поры до времени скрыто плотной завесой неведения?

– Ты не проголодалась? – тихо спросила Сапфо.

Сандра вздрогнула, но тут же очнулась от своего оцепенения.

– Нет, – качнула она точеной, гордо посаженной головой, и Сапфо с облегчением узнала в своей подруге прежние, любимые черты – теперь она была снова близко, совсем рядом и даже улыбалась в темноте. – Я знала, что ты придешь. Спасибо, о, спасибо тебе, Псаффа...

Сандра с первого дня придумала для Сапфо свое собственное имя – Псаффа и всегда только так называла старшую подругу. Больше она почти ни с кем не общалась в школе – только с Сапфо. Они были чем-то похожи, как две противоположности: одна разговаривала с небесами светлыми, радостными стихами, другая – печальными прозрениями и заклинаниями.

– Тебе следует выпить медового напитка и постараться уснуть, – сказала Сапфо.

– Я не могу спать. Меня начинают мучить кошмары... какие-то злые духи.

Через открытое окно из сада доносился запах какой-то ароматной травы. Особенно сильным он становился после полуночи, а днем словно терялся среди благоухания других цветов и трав.

Сапфо все время забывала узнать у Дидамии: как по-научному зовется эта таинственная трава, которую в народе называют дурманкой? Она чем-то напоминает загадочную, закрытую от людей душу Сандры... Эта женщина смотрела на мир темными, слегка подслеповатыми глазами прорицательницы и видела то, что было скрыто от всех остальных. Между собой подруги называли взгляд Сандры «тяжелым, как камень» или даже «медузогоргонным». Даже от ее волос сейчас исходил запах горьковато дурманящей травы.

– ...А так – я пытаюсь представить себя песчинкой на дне твоего океана, Псаффа, – негромко продолжала Сандра. – И мне сразу становится спокойней. Я вспоминаю твои песни... Люди будут их помнить и через сто, и через тысячи лет, а все наши имена исчезнут... провалятся в Тартар!

За окном громко стрекотали цикады, незаметно примешиваясь к разговору двух женщин.

Сапфо подумала, что не зря считается, будто цикады тоже находятся под покровительством Аполлона и всех муз. Они ведь тоже не просто стрекочут, но все время что-то сочиняют на своем, непонятном для людей, языке. Может быть, свои бессмертные строки? Вот кто настоящие поэты! Их не заботят ни слава, ни почести, ни количество слушателей. Они поют просто потому, что не могут не петь. Но, может быть, это одна длинная, бесконечная песня об уходящем времени?

Однажды розоперстая Эос – богиня розовой зари – влюбилась в красивого мужчину по имени Тифон. Похитив его, она сделала своим супругом и даже выпросила для него у Зевса бессмертие. Но забыла о малом – попросить для Тифона вечной юности. Эос и глазом моргнуть не успела, как ее любимый сделался дряхлым, сморщившимся стариком, обреченным на вечную безотрадную старость. И Эос не могла придумать ничего лучшего, чем превратить Тифона в цикаду и выпустить его на одну из лужаек, где они в молодости предавались веселой любовной возне.

Сколько же тысяч поколений беспокойно стрекочущих цикад, должно быть, сменилось с тех пор? Или же среди них есть одно вечное, бессмертное существо, поющее по ночам о медовых радостях любви и краткости человеческой жизни, о неумолимом времени, с которым не могут справиться даже всемогущие боги?

– Ты не слушаешь меня, Псаффа? – окликнула Сандра подругу.

– Слушаю – но не понимаю. Какая радость в посмертной славе? Помнишь, как написал в одной своей песне Архилох:

Благодарность мы, живые, питаем лишь к живым⁷...

Сандра вдруг протянула руку и легонько дотронулась до груди Сапфо.

– Что? Что у тебя с сердцем, Псаффа?

– Ничего.

– Нет, я же слышу. Оно так стучит, как будто вот-вот вылетит из груди. Твое сердце сегодня – как ястреб, который собирается тебя заклевать...

Сапфо вспомнила слова Филистины: сейчас, когда в глазах Сандры отражалась луна, в ее зрачках действительно словно загорелись два далеких желтых факела. И от этого неистового свечения становилось как-то не по себе.

– Боги, опять начинаются твои фантазии...

– Нет, ты должна мне сказать! С кем ты сегодня встречалась? Что говорила? Может быть, видела что-то необычное во сне? И я скажу, откуда тебе угрожает опасность!

Сапфо в ответ лишь упрямо качнула головой.

Разве можно птицу заставить петь, поставив клетку посередине зала? Или насильно принудить поэта выкладывать все, что у него на душе, пока рука сама не потянулась к лире?

Уж месяц зашел. Плеяды
Зашли... И настала полночь.
И час миновал урочный...
Одной мне уснуть на ложе!⁸ —

пробормотала Сапфо, торопливо покидая комнату, наполненную лунным светом и тревожными песнопениями цикад.

⁷ Перевод В. Вересаева.

⁸ Перевод В. Иванова

Бедный старичок Тифон, стрекочущий и прыгающий где-то среди темной травы на четырех тонких лапках! Ну почему именно сегодня ты надрываешься изо всех сил?

Глава вторая

Песенка

Утром Сапфо дольше обычного занималась своей прической.

Ей захотелось сотворить на голове что-нибудь такое, чтобы ее от природы красивые темные густые волосы привлекали к себе внимание любого, с кем ей сегодня доведется встречаться. Ну да, любого – в том числе и Фаона...

Сапфо решила собрать их на затылке в пучок, но оставить по бокам два черных блестящих локона, которые спускались бы из-за ушей, подчеркивая белизну щек и шеи. Эти завитые локоны доходили ей почти что до пояса и напоминали необычное, дорогое украшение.

Сапфо еще раз посмотрела на себя в бронзовое зеркало – она знала, что красива от природы, но сегодня лишний раз хотела в этом убедиться.

Да, боги подарили Сапфо при рождении многое, о чем может мечтать любая женщина: стройную фигуру, нежную белизну кожи, которую летом не портил загар, выразительные карие глаза.

Но если бы каждую черту лица Сапфо можно было рассмотреть отдельно, причем спокойным, бесстрастным взглядом, то в ее внешности не нашлось бы ничего слишком уж удивительного: да, небольшой, правильной формы нос, карие глаза, четко очерченные губы, высокая шея...

Пожалуй, изнеженная, трепетная красота той же златокудрой Филистины могла гораздо сильнее поразить чье-либо воображение.

Но все же всякий, кто хотя бы раз беседовал с Сапфо, потом утверждал, будто никогда до этого не встречал женщину более привлекательной и прекрасной наружности. Мало того, у многих после первой же встречи складывалось впечатление, что именно эта в меру молчаливая, в меру веселая, но при этом безмерно загадочная женщина знает секрет человеческого счастья. И если хорошенько попросить, она сможет поделиться этим секретом со всеми. Достаточно иметь счастливую возможность постоянно находиться возле Сапфо: слушать ее песни и смех, видеть, как она танцует, или даже просто ест или спит.

Наверное, именно поэтому в школе Сапфо постоянно появлялись новые ученицы самых разных возрастов, уверенные, что, чем дольше им посчастливится здесь побыть, тем больше и у них самих появится шансов когда-нибудь тоже достичь женского совершенства.

Однако подобное ощущение внутренней гармонии Сапфо было обманчивым: в ее душе, как и у любого другого человека, постоянно кипели разные страсти. Она могла раздражаться, печалиться, возмущаться, но с годами научилась хорошо это скрывать от окружающих.

Точнее, наоборот: Сапфо научилась все свои эмоции честно, без остатка выплескивать в стихотворения и песни. Потому-то ее строки получались буквально заряженными искромётными, живыми чувствами и поражали слушателей – как мужчин, так и женщин! – тем, что совпадали с их самыми, казалось бы, затаенными мыслями и переживаниями.

Но сама Сапфо при этом словно оставалась немного в тени и со своей знаменитой, тихой улыбкой наблюдала за тем восхищением, которое вызывало у окружающих ее неукротимое творчество.

Впрочем, некоторые мужчины были абсолютно уверены, что Сапфо черпает свою мудрость и глубокомысленные суждения из какого-то особого, тайного учения философской школы, доступного пока только посвященным. И вся загадка лишь в том, что никто про эту самую школу и, главное, таинственного наставника Сапфо – разумеется, мужского пола! – просто ничего не знает.

Поэтому при встречах с Сапфо многие мужчины старались поскорее завести разговор о разбросанных по материке и греческим островам всевозможных ученых студиях, знаменитых мудрецах древности, принимались цитировать расхожие афоризмы, рассуждать об истине, о свойствах материи, категориях счастья и обо всем, что могло бы заставить поэтессу проговориться о своем секрете.

Сапфо с удовольствием включалась в такие ученые беседы, но у всякого, кто пытался вывести и понять ее философские воззрения, неизменно оставалось чувство, что эта непостижимая женщина все же скрывает от окружающих какую-то главную тайну, хотя при этом, казалось бы, совершенно открыто говорит обо всех своих взглядах, симпатиях и антипатиях.

Наверное, у Сапфо действительно была такая тайна – ее творчество, – которую невозможно объяснить никакими словами, ни тем более изложить по пунктам на восковой табличке.

Она ведь и сама до конца так и не поняла, что это такое: мучительный, счастливый недуг, награда или кара? Как расценивать посланный ей великими богами поэтический дар?

Сапфо еще раз поправила новую, необычную прическу и под конец украсила волосы на затылке небольшим букетом свежих фиалок.

Нынешним летом Сапфо незаметно ввела в своей школе настоящую моду на украшения из живых цветов. И теперь никому из ее подруг почему-то не хотелось украшать себя золотыми заколками для волос, подвесками из драгоценных камней, бронзы или слоновой кости, как это принято у столичных красавиц. В большом загородном доме, где на жаркие летние месяцы располагалась знаменитая «школа Сапфо», все наперебой украшали свою одежду и волосы живыми цветами.

А Филистина однажды сплела себе такой венок из колосьев пшеницы и дубовых листьев, что от ее прелестной головки невозможно было оторвать восхищенных взглядов.

Одна только Дидамия не поддавалась, как она говорила, на «цветочные глупости». Эта женщина любила во всем определенность, твердость и потому по-прежнему предпочитала носить на себе украшения, которые имели несомненную материальную ценность, – в основном из благородных металлов.

Кое-кто даже усматривал в своеобразной моде, появившейся в школе Сапфо, особый намек на демократические веяния и политические события, происходившие на всех островах, включая и Лесбос, и особенно на материке – в Афинах.

Повсюду шла борьба с тиранией, устанавливались новые законы, многие привычные основы переворачивались вверх дном. Мол, даже в школу Сапфо долетел легкий ветерок перемен – только он коснулся не женских умов, а исключительно волос и одежды легкомысленных красавиц.

Сапфо, как всегда, с подобными рассуждениями не спорила, а только тихо посмеивалась.

Не будет же она каждому рассказывать, что просто каждый цветок или форма листа на дереве каким-то тайным образом соответствуют мелодии, которую женщина, с присущей ей внутренней чуткостью, ощущает в себе уже с раннего утра. Поэтому в один день ее украшением может стать победная, алая роза, а в другой рука сама тянется к тихой маргаритке или к чувственной лилии.

Но сегодня почему-то Сапфо выбрала именно фиалку – весенний цветок, который по осени снова набил цвет...

Сапфо брызнула на волосы из маленького расписного флакона несколько капель фиалковой воды, желая усилить аромат своего букета, когда в дверь заглянула служанка.

– К нам явился Алкей, моя божественная, – сказала она, с интересом разглядывая новый облик Сапфо. – А с ним в повозке сидит незнакомец с грязной седой бородой и палкой. Старикашка до сих пор спит – ведь он чуть живой! А раз держит в руках палку – то наверняка к тому же и хромым. И зачем только люди на старости лет зря трясут по дорогам свои ветхие кости?

Самая старая в доме, любимая служанка Сапфо – Диодора любила временами от души поворчать и пользовалась тем, что госпожа ей это позволяла.

– Скажи Алкею – пусть зайдет, – сказала Сапфо, бросая прощальный взгляд в зеркало из светлого металла и убирая его до завтрашнего утра.

Она же не Филистина, чтобы по несколько раз в день, в зависимости от настроения, менять прически и переодеваться. В жизни и без того столько интересного и нового!

– О великолепная Сапфо! – молитвенно сложил руки на груди появившийся в беседке Алкей. – О Сапфо, неужели я снова благодаря Аполлону и всем небесным богам вижу тебя перед собой? Сегодня можно ослепнуть от твоей красоты! Ну и пусть! Я готов! Зато тогда, возможно, я наконец-то прославолюсь, как великий Гомер!

Поэт Алкей имел привычку несколько преувеличенно, наигранно выражать свои чувства и настроения. Так что порой казалось, будто в душе он сам же немного подсмеивался над собственными словами.

Поэтому всякий раз, даже когда Алкей говорил серьезно, никто из женщин до конца ему не верил. А уж тем более проникательная Сапфо.

– О Сапфо! У меня нет слов, чтобы выразить чувства, охватывающие меня всякий раз, когда я вижу тебя!

– А ты попробуй найти – ведь ты же поэт, – привычно поддразнила его Сапфо.

– Нежная, как фиалка, златокудрая Сапфо, – улыбнулся Алкей. – Если я расскажу тебе обо всех мыслях и желаниях, которые зарождаются во мне при виде твоей красоты... А ведь сейчас я говорю от лица всех мужчин! Так вот: как бы цветы в твоих волосах не завяли от такого сильного, жаркого порыва. Поэтому я лучше скромно промолчу и опущу глаза.

Сапфо улыбнулась и ответила поэту стихотворной строкой:

Когда б твой тайный помысел невинен был,
Язык не прятал ли слова постыдного,—
Тогда бы прямо из уст свободных
Речь полилась о святом и правом⁹.

– О божественная! – еще больше пришел в восторг Алкей. – Не боги ли тебе, как равной, нашептывают на ушко такие слова? Можно, я их запишу и сохраню для потомков – ведь они обращены ко мне!

– Делай как знаешь, – ответила Сапфо. – Только не нужно сравнивать меня с богами – это опасно. Как бы они не рассердились! Но сначала вот что скажи: какими ветрами тебя занесло в наши края? Ведь ты, кажется, собирался посетить нас только на свой день рождения.

– Одно другому не мешает. Душой я всегда живу здесь, – заявил Алкей, прямо глядя Сапфо в глаза и продолжая сохранять на своем лице легкое подобие улыбки. – Душой я живу возле тебя, Сапфо, что бы ты ни говорила. Но также я не оставляю надежды, что когда-нибудь буду жить возле тебя и телом, если на это будет воля Аполлона.

– Ты уверен, что являешься его любимчиком? – спросила Сапфо.

– Уверен! Аполлон охраняет меня, и я нередко слышу, как у меня за спиной внезапно раздаются звуки его божественной лиры. О, если бы и у меня был такой же инструмент, я бы мог с ним даже посостязаться...

Сапфо невольно про себя улыбнулась – насколько же у всех поэтов схожи даже самые сокровенные, честолюбивые помыслы! Им недостаточно состязаться друг с другом, получая в награду похвалы и победные венки, а хочется сделаться искуснее самих богов и даже заставить олимпийцев признаться в поражении.

⁹ Перевод В. Вересаева.

Сапфо как в зеркале увидела сейчас в Алкее свою собственную гордость и – устыдилась.

– Не сердись на меня, – сразу же заметил выражение ее лица Алкей. – Ведь сегодня я приехал к тебе с подарком. Я привез вам прославленного философа Эпифокла. С этим человеком считают за великую честь познакомиться лучшие ученые мужи земли. Надеюсь, ты слышала прежде это имя?

– О, конечно! – обрадовано воскликнула Сапфо. – Но я не думала, что он сейчас на Лесбосе.

– В наших краях Эпифокл, разумеется, проездом, – пояснил Алкей, наслаждаясь реакцией, которую произвела его новость. – Вообще-то я вызвался сопровождать его к гавани – он собирался отплыть на Фасос. Но, пользуясь тем, что вчера наш ученый друг выпил немного лишнего неразбавленного вина и потерялся даже в пределах собственного тела, я решил по дороге завезти его к тебе. Сейчас мы накормим Эпифокла хорошим завтраком, наш мудрец придет в доброе расположение духа. Думаю, он не откажется прямо за пиршественным столом провести открытый урок диалектики. Можно сказать, что я похитил знаменитость ради тебя, моя Сапфо!

– Ты настоящий рыбак, Алкей, – улыбнулась Сапфо. – Заманил в свои сети такую мощную рыбину, как Эпифокл! Я много о нем наслышана, но никогда прежде не видела воочию...

Но, начав говорить о рыбалке, Сапфо внезапно запнулась на полуслове.

Она сразу же вспомнила про другого рыбака – Фаона, сына маленькой Тимады, с которым как раз на сегодняшнее утро была назначена встреча. А ведь именно к ней Сапфо мысленно готовилась с первой же минуты после пробуждения.

Ничего не поделать – разговор с юношей придется перенести на другое время.

И потом, если разобраться – зачем Фаону слишком уж торопиться? Ведь они не успели даже как следует познакомиться!

– Да на что там смотреть? – проговорил Алкей, самодовольно поглаживая свою ухоженную, блестящую бородку. – Я советую тебе, Сапфо, вообще стараться не поднимать на Эпифокла своих прекрасных глаз, чтобы ненароком не испугаться. Старину Эпифокла надо слушать, слушать и снова слушать. Я с друзьями провел в его обществе больше недели, и мое любопытство не только не насытилось, но сделалось еще больше. Главное, не обращать внимания, что от старика несет козлом. Это может несколько забить нежный аромат твоих фиалок, Сапфо. Эпифокл много рассуждает про воду, но почему-то его никакими силами не удастся затащить в баню.

Сам Алкей всегда тщательно следил за своим внешним видом, придавая этому огромное значение.

Даже дорожный плащ, который поэт носил из подражания путешественникам (хотя никогда по доброй воле не выезжал из Митилен и не покидал без нужды свой роскошный дом!), а также философам (официально он не принадлежал ни к одной школе), – так вот, даже светлая хламида Алкея всегда выглядела безукоризненно чистой и без всяких слов говорила о том, что ее владелец – потомственный аристократ из очень знатного, древнего рода.

Не говоря уж о таких мелочах, как позолоченные пряжки на поясе, или перстни на белых, тщательно ухоженных руках. А к Сапфо известный в своих кругах поэт тем более приезжал в своем самом лучшем виде, как жених.

Для Сапфо Алкей был преданным другом, достойным служителем муз – и только. Но этот человек с завидным упорством дожидался чего-то большего.

Даже после того как Сапфо отвергла предложение Алкея о замужестве, поэт вовсе не озлобился и не стал проклинать ее на всех перекрестках, как это нередко делают мужчины-простолюдины. Он просто сделал вид, будто ничего особенного не произошло, и продолжал терпеливо гнуть свою линию. Возможно, он просто некстати в тот злополучный вечер высунулся с

предложением руки и сердца. Но разве колесо судьбы не может однажды крутануться в другую сторону?

Алкей по-прежнему старался незаметно помогать Сапфо в занятиях ее школы: устраивал поэтические и музыкальные турниры, старался не пропускать больших праздников, привозил «с доставкой на дом» друзей-поэтов и других именитых гостей своего дома, или же просто присылал к столу какие-нибудь изысканные угощения для девушек.

В общем, он старался быть незаметным, но при этом – незаменимым.

Вот и сейчас: для кого бы еще Алкей пошел на такой подвиг? Встать с раннего утра, когда Эпифокл еще не проснулся и только бормотал сквозь сон какие-то несвязные речи? Затем погрузить философа на коляску и, вместо того чтобы доставить на обещанный корабль, привезти сначала в загородный дом, расположенный в стороне от пристани, куда Эпифокл вовсе не собирался?

Впрочем, Алкей несколько лукавил сам перед собой – первой, о ком Эпифокл спросил, как только прибыл в Митилены – столичный город Лесбоса, была как раз Сапфо. Слава об этой женщине, как заявил во всеуслышание философ, разнеслась далеко по всему свету.

Спросил не про него, Алкея, а именно про Сапфо!

Впрочем, затем Эпифокл увлекся другими делами и встречами и, похоже, под действием вина подзабыл о своем горячем желании познакомиться с прославленной поэтессой.

Но Алкей-то – пусть в следующий раз его в язык ужалит змея! – помнил, что неожиданно для себя зачем-то ответил Эпифоклу, что в настоящий момент Сапфо нет в городе. Мол, она в отъезде, хотя прекрасно знал, что до загородного дома, где в самые жаркие летние месяцы поселяются женщины, – рукой подать, всего несколько часов езды на быстрой колеснице!

Но потом Алкей все же сумел себя перебороть. Он решил, что гораздо разумнее не завидовать известности Сапфо, а постараться самому понять, что именно заставляет самых разных людей единодушно преклоняться перед стихами его подруги. Разумеется, он считал их вовсе не плохими, даже, скорее, – хорошими, но все же не настолько, как его собственные.

А женские тайны лучше всего узнавать, когда подруга находится в твоих крепких объятиях. Согласившись на замужество, Сапфо могла бы и поделиться своей славой! И тогда вскоре все привычно будут говорить: «Алкей и Сапфо», как слитно вспоминают теперь потомки Орфея и Эвридику или, к примеру, Филимона и Бавкиду.

И потому Алкей шел на настоящие подвиги – встать ни свет ни заря и без завтрака погрузиться в коляску! – лишь бы прочесть благодарную улыбку на лице своей избранницы и найти новый, благоприятный повод для встречи.

Сапфо вызвала служанку и распорядилась, чтобы стол накрыли для праздничной трапезы: таких знаменитых гостей, как философ Эпифокл, следовало встретить с почестями.

– Да, Диодора, вот еще что, – сказала Сапфо как бы между прочим. – Пока я буду заниматься гостями, к беседке должен подойти один юноша по имени Фаон.

– Какой такой Фаон? А, приемыш молочницы Алфидии? Пастушок! Всех этих коз уже по дешевке прикупил проныра-колбасник Кипсел...

– Да, он. Приведи Фаона к нашему столу. Сегодня перед нами выступит сам Эпифокл.

– Зачем еще? Ведь он же простой пастух, и больше никто? Кто должен выступать? Этот пьяный старикашка?... – начала словоохотливая служанка, но, встретив строгий взгляд Сапфо, замолчала на полуслове и быстро закивала: – Хорошо, моя госпожа, я так и поступлю.

– Даже если юноша будет отказываться и из скромности говорить, что уже сыт, ты все равно должна пригласить его к столу. Пусть сегодня он будет среди нас, – проговорила Сапфо, уже отвернувшись.

– Но... но... зачем? Не многовато ли почета для сынка простой молочницы? – с любопытством заглянула ей в лицо Диодора. – С каких это пор, моя госпожа...

– Этот мальчик, сын нашей покойной подруги Тимады, скоро всех нас покинет и поедет учиться в Афины, – пояснила Сапфо строго. – Пусть у него останется самая добрая память о родных краях и о нашей школе. А ведь наиболее теплые чувства как раз и рождаются за чашей вина, слушая умные беседы старших. Разве что-то не так?

– Так-то оно так, госпожа, – пробормотала озадаченная Диодора. – Да что-то тут и не так, чтобы так...

Но умное, искрометное застолье, задуманное Сапфо и Алкеем, почему-то с самого начала не задалось.

Философ Эпифокл за завтраком был сильно не в духе. У него с утра раскалывалась голова после вчерашней бурной пирушки, и беспокоили боли в животе, за который он хватался то одной, то другой рукой.

Скупое поприветствовав Сапфо, Эпифокл всем своим молчаливым видом выражал недовольство, если не протест Алкею по поводу незнакомого места, куда его насильно завезли, а также новых людей за столом, позволив себе даже пробурчать один раз вслух, что ему «и все старые надоели до колик в животе».

Затем Эпифокл отверг все предлагаемые слугами кушанья и попросил для себя тарелку простой поленты из ячменя на воде. И при этом пояснил, что в его возрасте пора есть одну только кашу, а все прочее организм отвергает вместе с желчью. «Сразу через все дырки», – с глубокомысленным видом уточнил философ, не слишком-то заботясь, как его речи скажутся на аппетите всех присутствующих.

– Должно быть, это очередная философская теория, – засмеялся Алкей, который, напротив, несмотря ни на что, находился в веселом состоянии духа и всеми силами старался расшевелить гостя. – Я отлично помню, что не далее как вчера вечером организм Эпифокла в большом количестве употреблял жареных на вертеле куропаток и запивал их столетним фалернским вином. И, по-моему, чувствовал себя при этом превосходно!

– Хм, то, что было вчера, – не сегодня, – коротко ответил Эпифокл. – Зато сегодня – совсем не то, что вчера. Это никак между собой не связывается.

Философ имел давнюю привычку глубокомысленно хмыкать во время своих высказываний, намекая на глубоко скрытый в них тайный смысл.

Вот и сейчас Алкей тут же хлопнул в ладоши в знак того, что слова, сказанные Эпифоклом, показались ему на редкость мудрыми.

За столом помимо гостей и самой Сапфо было еще несколько женщин, которые пожелали разделить утреннюю трапезу с заезжей знаменитостью.

Поговорка гласит, что «застольников должно быть не меньше числа харит и не больше числа муз», – то есть не меньше троих, но не больше девяти человек.

Примерно такое количество сегодня за столом и собралось.

Дидамия от волнения почти что ничего не пила и не ела, а только смотрела на философа во все глаза, которые Сапфо называла «волоокими», связывая при помощи слов внешность подруги с ее поистине нечеловеческой работоспособностью и выносливостью на ниве получения новых знаний.

Вот и теперь Дидамия боялась пропустить даже слово или простое хмыканье Эпифокла – подобные встречи с учеными мужами, которые со всего мира привозили на Лесбос живую мудрость и рассказы о новых открытиях науки, доставляли ей ни с чем не сравнимое удовольствие. По крайней мере, гораздо большее, чем свежайший сыр – необходимый спутник вина, рыба, множество сладостей и фруктов, в щедром изобилии разложенные на столе.

Зато Филистина сегодня к столу не вышла. По своему обыкновению, она все утро валялась в постели и разучивала новую песню Сапфо. Она даже не скрывала, что от споров и ученых разговоров у нее сразу же начинается гудеть в голове, как будто бы туда залетела сотня пчел.

Зато на встречу со странномудрым Эпифоклом с большой охотой пришла молоденькая девушка по имени Глотис, которая упорно развивала в себе способности к рисованию. Уже несколько лет она занималась росписью ваз, делая в этом искусстве немалые успехи и отдавая ему все свое время и силы.

Вот и сейчас Глотис пришла для того, чтобы подробно разглядеть лицо заезжей знаменитости и постараться впоследствии перенести его на вазу.

А посмотреть действительно было на что – в своей жизни Глотис вряд ли когда-нибудь встречала такого некрасивого мужчину, каким был философ Эпифокл.

Казалось, что боги скроили его буквально кое-как, наскоро, совершенно не предполагая, что человеку придется в таком обличии прожить долгую, до седых волос, жизнь.

На красном, покрытом крупными оспинами лице Эпифокла кое-как, неровной картофелиной, был прилеплен нос. А из-за заплывших щек то выглядывали, то снова прятались два маленьких, зорких, черных глаза.

Волос на голове ученого мужа было совсем мало – они лишь как бы обрамляли его большую и почему-то изрядно, вкривь и вкось, поцарапанную лысину.

Сапфо невольно улыбнулась: наверное, эти свежие царапины остались после недавнего буйного куража старичка, который сейчас казался редкостным тихоней, терпеливо выскребавшим из тарелки ложкой безвкусную, но зато полезную для желудка кашку.

Впрочем, из растительности у Эпифокла имелась еще косматая и как-то странно торчащая вперед борода, которая тоже почему-то росла длинными, неровными клоками, – видно было, что она давным-давно не знала деревянной гребенки, пусть хотя бы и с редкими зубьями.

Под туникой Эпифокла был хорошо заметен округлый, почему-то яйцевидной формы живот, сильно перевешивающийся из-за пояса, сплетенного из простой веревки.

Похоже, не так-то легко было философу повсюду носить с собой такую ношу. Недаром Эпифокл имел привычку то тяжело вздыхать, то недовольно кряхтеть или таинственно хмыкать, при этом поглаживая свое пузо руками, словно проводя с ним какие-то особые дипломатические переговоры.

Глядя на Эпифокла, можно было с уверенностью сказать, что он и в молодости не блистал красотой и, скорее всего, был настоящим страшилищем.

Зато боги дали этому человеку острый, пытливый ум и душу настоящего исследователя: его постоянно кидало из одной крайности в другую.

Еще в юности, Эпифокл четыре года провел в пещере, терзая себя полным уединением и голодом, где он питался лишь одними заплесневевшими сухарями и кореньями. Но вскоре после этого очутился на Крите и примерно столько же времени жил там при богатейшем дворе среди самой изысканной роскоши.

Философ, который стремился все свои теории испробовать прежде всего на самом себе, неоднократно побывал в Египте, водил близкую дружбу со знаменитыми вавилонскими жрецами и даже сам чуть ли не сделался магом. При этом на родине он также считался одним из самых умных политиков и какое-то время назывался почетным гражданином Афин.

Сапфо от кого-то слышала историю, как совершенно неожиданно на собрании граждан в Афинах Эпифокла подвергли ostracism – его на десять лет изгнали из города как человека, который начал оказывать слишком сильное влияние на умы городских жителей и потому делался потенциально опасным для всего государства.

Впрочем, возможно, это было всего лишь очередной легендой из числа сопутствующих имени Эпифокла в великом множестве.

Про Эпифокла говорили, что он одинаково свободно общался с царями и рабами, знал разные языки, писал стихи и трактаты – особенно много у него имелось поэм о текучих свойствах воды и воздуха! – имел собственные теории о происхождении солнечного и лунного света. Этот неутомимый человек сам придумал солнечные часы, требуя, чтобы их ввели в обра-

щение повсеместно и называли «эпифокликами». Он даже научил людей, как при помощи специальных травяных отваров безболезненно вывести камни из почек, так как сам страдал этой болезнью и постепенно сумел себя вылечить.

Наверное, тот, кто не был знаком с задачей, которую философ считал главным делом своей жизни, мог бы посчитать его обыкновенным безумцем, мятущимся в поисках определенного занятия и не останавливающимся в своих исследованиях на чем-нибудь одном, чтобы добиться в избранной области хоть каких-то успехов.

Но в том-то и дело, что Эпифокла всю жизнь интересовали не сами жизненные явления, а проблема связи между разнообразными вещами и событиями.

Именно «проблему всеобщей связанности» философ исследовал с завидным, непостижимым постоянством и нечеловеческим упорством, то и дело подвергая собственную жизнь самым разным испытаниям. Он словно наблюдал, как же потом свяжутся между собой такие непохожие лохмотья биографии в рамках его общей, назначенной мойрами, судьбы.

Но Сапфо почему-то интересовало сейчас совсем другое.

Глядя на хмурого, тщательно жующего Эпифокла, она пыталась понять: что же ощущает человек, который, казалось бы, пережил и испытал в своей жизни абсолютно все, что только возможно или даже невозможно простому смертному?

Проще говоря: счастлив ли Эпифокл и сумел ли для себя понять, что же это такое – счастье? С чем, с какими мыслями подошел прославленный философ к своей человеческой старости? Не терзает ли его страх смерти?

Но сейчас, глядя на Эпифокла, с полной определенностью можно было сказать лишь только то, что философ все же успел по дороге проголодаться. Все остальное было прочно скрыто за кривой, характерной усмешкой старика.

Правда, время от времени Эпифокл все же поднимал свои зоркие, цепкие глаза от тарелки, внимательно осматривал женщин, после чего многозначительно хмыкал, не делая никаких пояснений.

Зато Алкей, как всегда за пиршественным столом, заливался соловьем и не давал скучать никому из участников застолья.

Первую чашу вина поэт щедро плеснул себе под ноги, показывая, что начальный и самый последний глоток приличные люди должны не забывать жертвовать великим богам. Вторую чашу Алкей осушил одним залпом и, положив в рот несколько черных виноградин, тут же принялся в который раз пересказывать героические истории из своей жизни.

Да-да, он ведь тогда не согласился с тиранией Мирсила и смело вступил с ним в политическую борьбу! К сожалению, подлый Питтак хитрым образом сумел в одиночку воспользоваться плодами победы, но все равно это было, было...

Питтака Алкей исключительно величал «негодяем» и «плоскостопым дураком», которого он в результате перехитрил. Ведь именно из-за него поэту пришлось отправиться в изгнание, побывать в Египте, объехать многие греческие острова – вряд ли он, изнеженный домосед, отправился бы в такое путешествие по собственной воле. А сколько во время странствий он написал новых стихотворений и поэм!

Пожалуй, его творческие успехи стали решающим фактором, почему Алкей все же позднее примирился с Питтаком и принял его приглашение вернуться на Лесбос, – новые впечатления незаметно вытеснили из его души воинственный пыл борьбы.

Кое о чем Алкей, конечно, умалчивал. Например, о том, что, прежде чем получить долгожданное приглашение вернуться на родину, ему пришлось четыре раза посылать Питтаку прошения, на которые тот всякий раз сухо отвечал: «Пока не представляется предлог тебя вернуть». Лишь с пятого захода просьба поэта-изгнанника была удовлетворена.

Но, в конце концов, эта история больше никого, кроме них двоих – правителя и подданного, – не касалась!

Подобные застольные рассказы друга о политике и своем изгнании Сапфо в шутку называла лежащими на дне первой чаши.

И действительно, как только в голову Алкея ударял первый хмель, он сразу принимался горячо рассуждать о политике, тиранах и о тираноборцах. Следом шли воспоминания о дальних недолгих странствиях, которые всякий раз обрастали все новыми и новыми подробностями. Другам Алкея они казались все более фантастическими и даже полностью вымышленными.

– Кстати, именно в Египте я имел удовольствие познакомиться с нашим общим другом, – пояснил Алкей, кивая в сторону Эпифокла. – На чужбине грек замечает земляка, как курица своего цыпленка, даже если тот с головы до ног перепачкается в навозе.

– И кто же из вас курица, а кто – такой цыпленок? – сразу же спросила Глотис, на что Эпифокл выразительно хмыкнул. Алкей слегка замялся, видя, что поэтическое красноречие на этот раз занесло его несколько дальше, чем нужно.

И как раз в этот момент в комнату нерешительно вошел Фаон, которого служанка слегка подталкивала в спину к столу. Так что, к радости Алкея, извечный философский вопрос о первичности курицы или яйца можно было незаметно замять.

Слегка покраснев, Фаон поприветствовал присутствующих и возлег на подушки, выбрав свободное место вблизи Дидамии. По всей видимости, он чувствовал сильное смущение в незнакомом обществе.

– Цыплят надо искать среди молодежи. Может быть, вот он и есть тот самый унавоженный герой? – попытался пошутить Алкей, кивнув на Фаона. Но шутка показалась всем настолько неуместной, что сразу же повисла в воздухе.

Какой там еще грязный цыпленок?

Ну нет, к вновь прибывшему молодому человеку этот образ явно не имел никакого отношения.

Судя по всему, Фаон старательно готовился к встрече с Сапфо: сегодня юноша был одет в безукоризненно белоснежный короткий хитон, расшитый по краям узорами, и даже ремешки сандалий на его загорелых ногах были до блеска начищены бараньим жиром.

Светлые, мягкие волосы Фаона были аккуратно причесаны, умащены ароматной водой, их удерживала темная бархатная ленточка, которая на редкость сочеталась с цветом лучистых, веселых глаз юноши.

Мальчишка был так вызывающе хорош собой, что с первой же минуты им все залюбовались!

– Не важно, мои друзья! Главное, что все на свете птицы – и орлы, и куры, и совсем желторотые воробушки – одинаково любят поклевать что-нибудь вкусненькое, – ловко вывернулся Алкей. – Наверняка так же, как и наш новый, совсем еще юный гость!

– Но... нет, я совсем не голоден, – еще больше смутился Фаон. – Просто мне сказали, чтобы я сюда пришел...

– Ах, мой юный друг, когда-нибудь ты поймешь, что за столом вовсе не обязательно жевать и глотать пережеванную пищу, – весело воскликнул Алкей. – Можно получать наслаждение, пожирая друг друга глазами. Особенно если находишься в обществе таких восхитительных женщин, какими окружила себя Сапфо. Но чтобы не слишком жадничать и впопыхах такой красотой не подавиться, надо выпить хорошего вина. А то ведь от прекрасного можно ненароком пострадать!

И Алкей протянул Фаону вместительный кратер с вином, разбавленным водой, сделав патетический вывод:

– Вино и красота – вот единственное, что делает людей по-настоящему счастливыми!

Фаон растерянно обвел глазами присутствующих, отыскал Сапфо, которая ободряюще ему улыбалась. Только после этого он взял двумя руками увесистый сосуд, расписанный Глотис черным лаком, и поднес к своим губам.

Сапфо с интересом посмотрела на юношу – как бы тот ни скромничал, но было заметно, что Фаон пил вино не в первый и, пожалуй, даже не в сотый раз в своей жизни. Фаон делал это совершенно спокойно и красиво, совсем по-взрослому, сохраняя несколько торжественное выражение лица.

Интересно, где, когда и с кем он учился искусству застольных возлияний?

Даже угрюмый Эпифокл, глядя на лучезарного юношу, гордого тем, что его воспринимают как равного, впервые за время завтрака улыбнулся.

– Хм, когда я знал только твои стихи, но не знал, Алкей, тебя лично, я был уверен, что ты – старый пьяница и в жизни только тем и занимаешься, что хлещешь фалерн целыми бочками и валяешься пьяным в канавах, – проговорил Эпифокл, и окружающие, в том числе и сам Алкей, дружно рассмеялись, потому что прекрасно поняли, что философ имел в виду.

В самом деле, у всякого, кто хорошо был знаком с творчеством Алкея, создавалось ощущение, что для него все времена года и явления природы существовали лишь для того, чтобы нашелся повод напиваться до полного бесчувствия.

Если шел снег, а в реках застывала вода, то Алкей советовал всем, чтобы не замерзнуть, упиваться допьяна горячим вином, зарывшись с подружкой или с дружкой в мягкие подушки. Если светило жаркое солнце, поэт рекомендовал читателям не забывать в течение дня освежаться молодым, прохладным вином. В дождливую осень вино следовало пить постоянно, не пропуская ни дня, чтобы прогонять тоску, а весной – для того, чтобы в душе каждого человека тоже зажурчали веселые ручейки.

Если верить Алкею, утром только вино могло помочь мгновенно взбодриться, а ночью – крепко заснуть. На корабле его следовало принимать, как лекарство от качки. Пешеходу необходимо всегда держать вино во фляжке на ремне и следить за его убыванием с такой же тревогой, как за потерей сил у спутника... И так далее, и так далее – журчащим, хмельным потоком стихов.

При этом все близкие друзья Алкея прекрасно знали, что сам поэт потреблял в умеренных количествах и только самые дорогие, редкостные вина, которые ему присылали на пробу с греческих островов в бутылках с особым клеймом. Алкею была важна в поэзии сама «идея вина» гораздо больше, чем этот напиток на губах.

Не предавайся, друг мой, огорчению,
Себе в тоске мы пользы не найдем.
В одном есть лучшее спасенье —
Упиться допьяна вином¹⁰, —

с готовностью прочитал Алкей свои знаменитые строки, обращаясь к Фаону и радуясь, что с появлением этого стеснительного юноши откуда-то словно само собой пришло живое, непринужденное веселье.

– Друг мой, а ведь смотреть на тебя – это даже еще приятнее, чем пить вино, – щедро прибавил Алкей, улыбаясь и без стеснения разглядывая красавчика Фаона.

Сапфо невольно почувствовала укол ревности.

Да, конечно, она понимала, что сын маленькой Тимады на редкость хорош собой и, разумеется, может и должен нравиться окружающим. Но не до такой же степени!

¹⁰ Перевод С. Радцига.

Она была не готова к тому, что юноша так молниеносно и откровенно привлечет к себе всеобщее внимание.

Казалось, все женщины и мужчины, о чем бы они ни переговаривались между собой за столом, буквально не сводили с Фаона взволнованных глаз и невольно обращали все свои речи именно в его сторону.

Даже Эпифокл, отставив в сторону тарелку с недоеденной полентой, теперь занимался тем, что, хмыкая, в упор рассматривал юного гостя, который уже перестал смущаться. Теперь Фаон с завидным аппетитом уплетал зажаренную на углях рыбу, заедая ее зелеными листьями салата.

Или все это Сапфо только казалось?

Признаться, на некоторое время и она сама отвлеклась от оживленной беседы, завязавшейся между Дидамией и Глотис, а все свое внимание употребила на то, чтобы, наоборот, стараться... не смотреть в сторону Фаона.

Сапфо мысленно приказала себе: как бы велико ни было искушение любоваться оживленным и свежим, как весенний день, лицом юноши, но она – хотя бы одна из всех! – должна глядеть в другую сторону. И тут же стало ясно, что нужно найти в себе поистине неземные силы, чтобы справиться с такой задачей.

Даже глядя на Дидамию, возле которой в вольной позе возлежал сын Тимады, она боковым зрением улавливала немного угловатые, порывистые жесты Фаона, его улыбающееся лицо, по-детски сияющие любопытством глаза.

Сапфо время от времени даже мерещилось, будто это она сейчас на самом деле сидит с Фаоном совсем близко, почти вплотную, ближе всех остальных...

Богу равным кажется мне по счастью
Человек, который так близко-близко
Пред тобой сидит¹¹,—

выплыла откуда-то из внезапной тишины строка нового стихотворения.

Да, ближе всех, прекраснее всех...

Но почему так вспыхивает душа, когда сквозь эту тишину до нее вдруг доносится восхитительный, озорной смех Фаона? И почему в комнате внезапно сделалось так тихо, если Дидамия все время открывает рот и, по всей видимости, о чем-то увлеченно рассказывает гостям?

Твой звучащий нежно
Слушает голос
И прелестный смех...¹²

Сапфо постаралась запомнить эти строчки внезапно родившегося стиха и даже слегка потрясла головой, чтобы избавиться от наваждения. А потом, положив себе в рот несколько кислых гранатовых зерен, сделала над собой усилие и стала вслушиваться в общую беседу.

Ну конечно, Дидамия снова говорила о том, что совсем скоро Фаон отправится в Афины, и рассуждала вслух, кого из учителей лучше всего там сразу же разыскать, – недаром у юноши так нетерпеливо загорелись глаза.

– О Фаон! Зачем тебе ехать в какие-то Афины? – неожиданно перебил женщину на полуслове Алкей. – Если тебе надоело жить в здешней глуши, ты всегда можешь поселиться в Митиленах, в моем просторном доме. Тебя привлекает жизнь в столице? О, пожалуйста, ты насла-

¹¹ Перевод В. Вересаева.

¹² Перевод В. Вересаева.

дишься ею в полной мере! Я знаю, что говорю: только у нас можно встретить гетер, у которых в серьги вставлены такие огромные жемчужины, что бедняжкам приходится склонять до земли голову, а голые лодыжки обвиты длинными змеями из светлого металла. Если же тебе, мой дружок, непременно хочется учиться, я сам найду тебе лучших учителей и на Лесбосе. Стоит ли утомлять себя долгой дорогой, а главное – изнурять чужбиной? Поверь мне: уж я-то хорошо знаю, как тускло светит яркое солнце над головой, если твои ноги стоят на чужой, неродной земле.

– Нет, если есть такая возможность, нужно ехать именно в Афины, – упрямо повторила Дидамия. – Только там в наше время начинается путь к настоящей науке и славе.

– Наверное, в Митиленах тоже было бы хорошо, – растерянно улыбнулся Фаон. – Не знаю. Ведь тогда я чаще мог бы видаться с Филистиной.

– С кем? – нахмурилась Сапфо.

– С Филистинушкой, – спокойно пояснил Фаон. – Ведь это она выучила меня чтению, пению и всему, что умела сама. После моей доброй старушки Филистина – единственная для меня родная душа. Даже мысль о расставании с ней мне доставляет сильную боль...

Сапфо слегка покраснела, как если бы вдруг получила пощечину, и торопливо перевела взгляд на блюдо с гранатовыми зернами, сиявшими на солнце, как драгоценные рубины.

Почему-то в присутствии Фаона все вокруг, даже самые простые предметы, странным образом преображалось и становилось волнующе прекрасным.

Что? Получила?

Но какой нежности могла требовать к себе Сапфо, если все эти годы она почти не обращала внимания на взрослеющего Фаона? Признаться, она вообще вспоминала про существование сына маленькой Тимады только летом, когда занятия школы временно переносились в загородный дом на берегу моря. Да и то, когда Алфидия приносила к завтраку очень вкусное козье молоко.

Впрочем, Сапфо вдруг вспомнила забавный случай, как однажды – боги, ведь как будто совсем недавно! – Филистина вдруг объявила подругам, что сыну Тимады пришла пора обучаться грамоте. И она привела его в гимнасий для младших девочек, переодетого в женское платье.

Маленький Фаон, с белокурыми волосами до плеч и миловидным детским личиком, внешне почти ничем не отличался от своих сверстниц. Сапфо вдруг сейчас снова отчетливо увидела перед собой по-детски растерянное лицо Фаона, впервые попавшего в стены школы...

Подруги еще подшучивали над Филистиной: мол, она нарочно хочет сделать мальчишку похожим на Ахиллеса, который свое детство провел в женской колонии на острове Скирос, переодетым в женское платье. И это вовсе не помешало ему в свое время стать героем и навеки прославиться под стенами Трои.

Но на следующий день Филистина своего «второго Ахилла» в гимнасий уже не привела, а сказала, что лучше самолично будет учить мальчика грамоте и письму. Оказывается, Фаон слишком застенялся своего наряда и особенно окружающих людей.

На протяжении этих лет Сапфо несколько раз вскользь интересовалась успехами сына Тимады, когда посылала деньги на его содержание. И Филистина с готовностью отвечала, что все в порядке, мальчик оказался смышленным и веселым, хорошо развивается.

Кажется, Филистина даже зимой нередко навещала в здешние края, чтобы отвезти Фаону игрушки или сладости. Ну и что с того? Ведь у Сапфо росла своя собственная дочь – Клеида, которая тоже требовала постоянного внимания, так что ее вовсе нельзя обвинить в излишней черствости.

Да к тому же Сапфо никто и не обвинял!

И все же... и все же Сапфо и понятия не имела, что Филистину и Фаона связывает такая глубокая взаимная привязанность. И сейчас это стало для нее не самым приятным открытием, задело за живое.

– Вот именно – ты сможешь и учиться, и одновременно видаться со своей учительницей, – подхватил тут же Алкей. – Ну, мой дружочек, решайся!

– Такие дела не решаются столь поспешно, – прервала Алкея Сапфо с непонятной для окружающих строгостью. – Фаона ждут в Афинах достойные во всех отношениях люди и его родной дед. И нет смысла вот так, наспех, обсуждать то, от чего может зависеть вся судьба человека. Сейчас не время для подобных разговоров.

– Ты как всегда права, мудрая Сапфо! – нисколько не обиделся Алкей, находившийся в бодром, приподнятом состоянии духа. – Сейчас вообще не время делать дела, потому что настала пора петь песни. Где тут у нас лира?

Женщины со значением переглянулись между собой.

Они прекрасно знали, что застольные песнопения Алкей всегда также начинал с самых воинственных сколий, направленных против политических врагов поэта. Иногда он в финале желал, чтобы тиран Мирсил и на том свете захлебнулся вином, или же призывал богов разом сжечь виноградники у всех без исключения представителей рода Археанкидов, с которым аристократический род Алкея вел извечную, нескончаемую борьбу за власть.

И сама Сапфо, и ее подруги политические песни Алкея недолюбливали, находя их порой излишне жестокими и по-мужски грубоватыми.

Зато стихи, в которых Алкей воспевал своих возлюбленных, попутно восхваляя вино, женщины могли слушать много раз подряд и с удовольствием подпевали сами.

– Алкей, спой нам ту, которая начинается со слов... – решила подсказать поэту Дидамия какой-нибудь из наиболее любимых лирических напевов.

– Нет, я хочу, чтобы сейчас нам спел Фаон, – вдруг сказал Алкей, со смехом передавая лиру в руки юноши, – раз уж он проговорился, что его учительница обучила также и искусству пения...

Фаон сильно покраснел от столь неожиданного предложения, а у Сапфо сердце застучало от желания ему помочь. Надо бы как-нибудь вызволить мальчика из неловкого положения. Но, с другой стороны, ей самой так хотелось послушать, как Фаон поет!

Недаром кто-то из древнейших говорил, что именно в пении больше всего проявляется душа человека.

Но вот только осмелится ли юноша запеть при всех?

– Вообще-то я пою только в уединении, для себя, – пробормотал Фаон, неловко вертя в руках лиру. – Я мало знаю песен и не умею петь при людях.

– А ты представь, что мы – это ты! – воскликнул захмелевший Алкей, который буквально загорелся идеей послушать пение юноши. – Если ты сейчас пропоешь для нас хотя бы куплет, то докажешь, что относишься ко всем нам, присутствующим за этим столом, так же любовно и доверительно, как к самому себе!

– Хм, все мы на самом деле состоим из одного теста, – неожиданно добавил Эпифокл. – И это тесто связуется между собой из материи, воды и любви, но в разных соотношениях. У кого-то больше плоти и воды, но если они крепко сцеплены любовью, то это... Впрочем, сейчас не время для философии: спой нам, мальчик, что-нибудь про любовь.

– Хорошо, – согласился Фаон. – Но имейте в виду, что если я заставлю вас мучиться, то не буду в этом виноват – вы сами попросили меня петь. Филистина выучила меня несколькими песнями Сапфо. Я не оскорблю тебя, если пропою одну из них сейчас своим неумелым голосом?

Сапфо только теперь поняла, что слова Фаона, а также взгляды всех присутствующих обращены именно к ней, и торопливо кивнула.

Фаон несколько раз пробежал по струнам и своим мальчишеским, немного хрипловатым голосом запел одну из самых простеньких песен Сапфо, которые можно исполнять под несложный аккомпанемент. Эту песенку почему-то особенно любит напевать вслух возле своего очага кухарка Вифиния.

Ты мне друг. Но жену
в дом свой введи
более юную.
Я ведь старше тебя, кров свой делить
я не решусь с тобой¹³,—

весьма приблизительно, срывающимся голосом начал выводить Фаон.

Но, слушая знакомую до каждого звука нехитрую песню в исполнении этого юноши, Сапфо внезапно почувствовала, как у нее подступил комок к горлу, не давая возможности ни вздохнуть, ни выдохнуть.

Фаон пел совсем тихо, чуть ли не шепотом, и оттого каждое слово хорошо известного всем стихотворения звучало как-то особенно интимно, словно высказанное наедине признание в любви. Поэтому все слушатели, а особенно слушательницы, невольно затаили дыхание.

Что же касается самой Сапфо, то она и вовсе ощутила во всем теле непонятный жар. Слушая, как громко колотится совсем близко к горлу сердце, Сапфо снова и снова спрашивала себя: боги, что со мной? Неужели я заболела? Или меня внезапно настиг из-за угла вездесущий Эрот? Но это было бы чересчур глупо, нелепо и странно.

Ведь Фаон – совсем еще ребенок, который только-только достиг совершеннолетия, и навряд ли еще познал женщину. А она к этому времени прожила бесконечную, длинную жизнь, полную любви и разочарований.

Нет, Сапфо пока не хотела верить, что с ней – для многих такой недостижимой и прекрасной! – могла приключиться такая внезапная беда.

Именно беда, потому что как иначе можно назвать чувство к юноше, который должен совсем скоро навсегда покинуть Лесбос? И кто открыто, по-детски радуется предстоящему отъезду?

Но, может быть, есть смысл действительно оставить Фаона пожить у Алкея? Тогда и у нее будет возможность хотя бы изредка с ним встречаться...

А если бы она к тому же приняла предложение Алкея о замужестве, то тогда Фаон всегда мог бы находиться перед глазами, на расстоянии вытянутой руки.

«Великий Зевс, куда это меня занесло под звуки лиры? – ужаснулась Сапфо мыслям, вдруг откуда-то появившимся и подобно вихрю закрутившимся в ее разгоряченном мозгу. – Наверное, я действительно просто больна».

Исполняя песню, Фаон смущенно глядел куда-то в сторону, но Сапфо сейчас казалось, что он не сводит глаз с юной Глотис.

Да и сама молодая художница, похоже, смотрела на юношу не только как на модель, как это было в случае с Эпифоклом, а как-то совсем иначе, несомненно иначе...

И еще эта песня – про златокудрую, прекрасную Афродиту, которую певец любит больше жизни. Может быть, исполняя ее, Фаон имел в виду вовсе не богиню, а свою любимую золото-волосую учительницу Филистину? Кто знает, какие на самом деле чувства испытывает Фаон к своей прекрасной во всех отношениях благодетельнице?

Только ли благодарность или еще что-то другое?

¹³ Перевод В. Вересаева.

Сапфо ничего не могла с собой поделаться: чем постыднее казались ей нелепые подозрения и смятенные чувства, тем неотвязнее откуда-то из глубины появлялись все новые и новые догадки, доводящие буквально до полного изнеможения.

– Что с тобой, Сапфо? – склонилось к ней откуда-то издалека озабоченное лицо Дидамии. – Ты, случаем, не больна?

– Не знаю, возможно, – прошептала Сапфо, почти не раскрывая рта.

Внутри нее полыхал такой непонятный, незнакомый огонь, что казалось, если она откроет рот, то наружу могут вырваться огненные языки пламени.

Сапфо не обманывала подругу – она действительно не понимала, что с ней происходит.

Но немеет тотчас язык, под кожей
Быстро легкий жар пробегает, смотрят,
Ничего не видя, глаза, в ушах же —
Звон непрерывно¹⁴, —

со сновидческой легкостью пронеслись в голове у Сапфо новые строчки, как только она нашла в себе силы снова взглянуть на Фаона.

Он теперь отложил в сторону лиру и возлежал с довольным видом ребенка, ожидавшего в награду за удачное выступление кулек сладких фиников. И «финики» не замедлили себя ждать – только в данном случае это были похвалы и лестные слова, которые высказывал Фаону каждый из присутствующих.

– Бесподобно! – громче всех восклицал Алкей, перебивая несколько смущенные возгласы женщин. – Какая одухотворенность и в то же время неискушенность! Клянусь Зевсом, давно я не получал такого удовольствия от пения, как сегодня. Скажи, наше солнышко, а не можешь ли ты теперь спеть какую-нибудь мою песню?

– Нет, – покачал светлыми, разлетающимися кудрями Фаон и добавил простодушно – Филистина научила меня только песням на стихи Сапфо. Она говорит, что это самые лучшие строки, которые можно найти, а другими лучше не забивать себе напрасно голову. Не только на Лесбосе, но и во всем мире ничего не создано прекраснее.

– Лучшие? – переспросил Алкей.

Он уже хотел было добавить: «А как же я?» – но, встретившись с быстрым, хитрым взглядом Эпифокла, прикусил язык. В другое бы время Алкей обиделся на такие дерзкие слова, но теперь... только широко улыбнулся Фаону и быстро придумал себе утешение.

В конце концов, совершенно естественно, что здесь, в кругу своих подружек, Сапфо считается самой лучшей поэтессой на земле и даже на луне. Но это ничего не значит, и потому не стоит относиться к таким суждениям чересчур серьезно.

Если бы завтрак сейчас проходил в роскошном доме Алкея, в кругу его друзей и почитателей, то они наверняка не менее пылко восхваляли бы именно его мужественные песни. И если Фаон хотя бы раз их услышит – он напрочь забудет о существовании Сапфо.

– А почему бы не устроить состязание? – подал голос долгое время молчавший Эпифокл. – И я тоже хочу принять в нем участие. Признаюсь, пение этого дивного мальчика растрогало даже мое старческое сердце. Я почувствовал, что у меня в груди тоже зашевелились кое-какие звуки. И вообще: подайте мне тоже чашу с вином! Оставлю-ка я эту кашу доедать старому, беззубому Харону и его приспешникам, а мы еще повеселимся.

– Состязание? О, только не сейчас, – страдальчески наморщила лоб Сапфо. – Сегодня я не здорова.

¹⁴ Перевод В. Вересаева.

– Хм, хм, нам некуда торопиться, – заявил Эпифокл, быстрыми, торопливыми глотками осушая чашу и стараясь скорее наверстать упущенное, словно именно на дне чаши хранилось его хорошее настроение. – Я желаю остаться здесь на несколько дней. Многое из того, что я вокруг себя вижу, подтверждает мою величайшую теорию. И мне интересно было бы, – разумеется, с разрешения гостеприимных хозяев, – кое-что проверить и на практике.

Сапфо кивнула – не могла же она сказать знаменитому философу и к тому старику, чтобы он катился отсюда своей дорогой? И потом – досадно упускать возможность близко пообщаться со столь знаменитым ученым мужем только из-за своих странных капризов.

– Но как же корабль, на котором вы должны были уплыть? – только и спросила она.

– Хм, меня там будут ждать ровно столько, насколько я пожелаю задержаться, – с довольным видом пояснил Эпифокл. – Владелец триеры дал клятву быстроногому Гермесу, что не отправится без меня к берегам Фасоса.

– Прекрасно! Тогда я тоже остаюсь! – воскликнул Алкей. – Мы проведем здесь поэтический турнир, и это будет настоящий, большой праздник. Предлагаю в честь нашего юного певца назвать его «фаониями». Как я придумал?

– Не знаю... Наверное, я не заслужил, – смущенно пробормотал Фаон.

– Нет, заслужил! Для того чтобы получить награду, вовсе не обязательно петь громче всех, разве не так? – пояснил Алкей. – Ты сам видишь, Фаон, твоя коротенькая песня – несмотря на то, что ты чаще всего брал совсем не те ноты, какие было нужно, – сумела всех нас расшевелить и даже изменить весь ход дальнейших событий. Теперь ты понимаешь, какой силой обладает настоящее искусство? Сильнее этого – только любовь.

Фаон буквально сиял от удовольствия – еще бы, он не только без особого труда вошел в круг всех этих взрослых, знаменитых людей, но сразу же оказался в самом центре внимания.

Неужели и правда Алкей назовет состязание «фаониями»? И вот так запросто, волей случая, делается слава?

Фаон посмотрел на Сапфо, которую он был должен в первую очередь благодарить за такое количество разом полученных удовольствий, включая вкусные кушанья, вино, а теперь еще и почет. Но его благодетельница сидела почему-то без тени улыбки на лице и лишь нервно покусывала и без того алые от гранатового сока губы.

Юноша тоже постарался сделаться серьезным. Может быть, он сейчас ведет себя не очень правильно? И нужно поспешно отказаться от предложенных почестей?

Но губы Фаона помимо его воли сами расплывались в победной улыбке, обозначая на щеках еле заметные ямочки и придавая его лицу еще более мальчишеский, задорный вид.

Сапфо конечно же поймала на себе удивленный взгляд Фаона, но только еще больше нахмурилась.

Пóтом жарким я обливаюсь, дрожью
Члены все охвачены...¹⁵ —

продолжали возникать из небытия строчки, которые сейчас для Сапфо выполняли роль якоря – хотелось в них вцепиться обеими руками и ногами, чтобы не захлебнуться: «...Дрожью члены все охвачены... Дрожью...»

– Какую мерзкую кашу готовит ваша кухарка! – заявил Эпифокл, поглаживая свой живот и обращаясь к Диодоре, привычно прислуживавшей за столом. – Эй, служанка, а нет ли у вас свежих устриц, вымоченных в белом вине и лимонном соке?

– Нету, – поджала губы Диодора.

¹⁵ Перевод В. Вересаева.

– Так я и знал! Ну, хотя бы тогда щупальцев осьминогов, приготовленных с острыми специями? Меня угощали таким блюдом в столице, в доме Мнесия, и я до сих пор не понимаю, как не откусил свой язык... Это так вкусно!

– Лучше бы откусил, хилосох прожорливый, – пробормотала себе под нос Диодора. – Меньше было бы хлопот добрым людям...

У Диодоры была странная манера разговаривать как бы про себя, но так, что тем, кто находился ближе всех – а сейчас это была Сапфо, – ее ворчание было хорошо слышно.

Вообще-то Диодоре было уже так много лет, что многие были уверены, будто старушка давно заговаривается и не дружит с головой. Но Сапфо прекрасно знала, что ее служанка просто любит делать вид, что выжила из ума, а сама, наоборот, была сильно себе на уме.

– Вообще-то здешние курочки и голубки, раз уж вы тут толкуете про курятники, привыкли с утра по зернышку клевать, чтобы легче бегать и летать было, – вслух сказала Диодора, обращаясь к философу. – А то ненароком можно и разжиреть, как куропатки, да к кому-нибудь на зуб попасть. Вон тут еды сколько много, которую вприкуску со своим языком есть можно, а тебе все мало!

– Хм, хм, а тебе, я вижу, лучше на зуб не попадаться, старая, – покачал головой Эпифокл, послушно пододвигая поближе к себе блюдо с оливками. – Признаюсь, друзья, ваше общество настолько разожгло у меня аппетит и привело в самого себя, что я готов прямо сейчас, не сходя с места, познакомить всех со своими последними открытиями, которыми я прежде не делился вслух. Но только в том случае, если, хм, хм, у вас имеется желание меня выслушать.

– Конечно, мы давно только этого и ждем, – ответила за всех Дидамия, и Сапфо увидела, что в руках у подруги тотчас же мелькнула покрытая воском гладкая дощечка для записи.

Дидамия как-то сказала, что ей жалко расставаться с этой вещью даже во сне: она и себя ощущает похожей на таблицу, на которой уже разгладились старые записи знаний и поэтому требуется поскорее нанести новые, еще более достоверные.

Остальные участники застолья тоже все как-то подобрались, готовясь слушать знаменитость.

Эпифокл для порядка немного похмыкал, но потом громко, серьезно и достаточно складно, словно он сейчас держал речь не за столом, а перед огромным скоплением людей, принялся излагать свои измышления.

Сапфо сначала слушала его рассеянно, задумчиво скользя взглядом по посуде и предметам на столе, стоящим рядом с Фаоном, но постепенно и ее увлекли мысли философа.

По Эпифоклу, корнями, первоосновой всех вещей являлись огонь, вода, воздух и земля, которые не могли превращаться друг в друга, но зато обладали способностью смешиваться и соединяться.

И Эпифокл пришел к мнению, что весь мир существует только благодаря соединению и разделению маленьких частиц, и причина соединения этих первоэлементов одна – любовь, а разъединения – сильная ненависть.

«Все правильно: любовь и ненависть, а больше нет ничего...» – подумала Сапфо.

Да, именно «категории любви и ненависти» Эпифокл с упорством настоящего ученого называл главными, движущими и одновременно скрепляющими силами всего сущего, без которых материальный мир начал бы сразу же безвозвратно рассыпаться на мелкие части.

– Как же, любовь у него, желание – тоска по сладким пирогам, – еле слышно пробормотала старая Диодора.

– Погодите, а как же вода? – переспросила Дидамия, на одной из табличек которой было начертано что-то совсем другое, противоречащее окончательному выводу Эпифокла. – Фалес Милетский, например, считает, что мир произошел из влаги. Как это совместить: влагу и любовь?

– Хм, хм, – с интересом уставился Эпифокл на Дидамию, потому что явно не ожидал услышать от кого-либо, а особенно от женщины, какое-либо возражение. – Хм, хм, это все тоже связано между собой, – произнес он, немного помолчав. – Разве вы будете возражать, что во время любовных игр в телах как мужчин, так и женщин также образуется влага, а это и есть та материя всего сущего, из которой зарождается жизнь. И даже если принять во внимание только этот пример...

Сапфо покраснела и невольно поглядела на Фаона: куда старика вдруг безоглядно занесло?

На лице Фаона, слушавшего все эти умозаключения, не отразилось ни малейшего смущения, словно все, о чем говорил сейчас философ, давно было испробовано им на практике.

Сапфо подумала: пожалуй, любопытно было бы что-то узнать о любовном опыте этого юноши... Но тут же остановила себя: что еще за глупости? Зачем? Неужели она, знаменитая поэтесса, будет заниматься собиранием сплетен?

Пока взоры присутствующих были обращены на ученого, Сапфо снова украдкой поглядела на Фаона. Интересно, понимает ли он хоть что-то из этих ученых речей? Или искусно притворяется, будто они ему и впрямь интересны?

Но Фаон вовсе не думал притворяться. Он смотрел куда-то в сторону, и при этом на губах юноши застыла нежная, мечтательная улыбка.

Фаон следил за полетом бабочки, случайно залетевшей в зал через открытое окно и приземлившейся на освещенном солнцем листе гортензии.

С дивными, узорчатыми крыльями, эта бабочка казалась заморской гостьей из далеких, неведомых стран. Может быть, глядя на нее, Фаон мечтал о скором отъезде? Или просто залюбовался ее неповторимыми узорами на трепетных крылышках?

А ведь эта бабочка была по-своему права: какое ей дело до заумных изречений Эпифокла? Она же знает, что порхать ей осталось совсем недолго, до скорой зимы... И почему Фаон чем-то неуловимо похож на эту прекрасную бабочку? Наверное, из-за матери – маленькой Тимады, которая тоже почему-то так торопилась жить... На что им теории ученых мужей, если проходит лето?

И Сапфо подумала, что в этом безразличии к философским рассуждениям была своя правота. Но только она доступна не каждому, а в полной мере лишь этой бабочке, цветку, ветру, гранатовым зернам на блюде, сияющим, подобно драгоценным камням. К чему тяжеловесно размышлять о сущем, если можно просто жить, ощущая себя таинственной сердцевинкой самой жизни? Без всякой «проблемы связанности» Фаон был теснее всех связан с жизнью прочными, любовными узами.

По сравнению с ним все присутствующие в комнате показались Сапфо скучными и словно незрячими: они сидели спиной к бабочке. В том числе и она сама.

Нет, это уже слишком!

Наконец первый небольшой урок, а заодно и трапеза были закончены, и слушатели, потягиваясь, начали подниматься со своих мест.

– Я вынуждена отложить наш разговор на завтрашний день, Фаон, – повернулась к юноше Сапфо. – Сегодня я неважно себя чувствую.

– Правда? – с испугом посмотрел на женщину мальчик. – То-то я гляжу, ты, Сапфо, сегодня плохо выглядишь!

Слова Фаона снова задели Сапфо за живое: это она-то плохо выглядит, с прической, поразившей всех ее подруг?

А как же фиалки? Как же подведенные помадой губы и ароматы? Да что вообще этот наглый мальчишка может понимать в женской красоте?

Но Сапфо не успела ничего ответить Фаону, потому что того уже взяла за руку Глотис, настойчиво увлекая к выходу и приговаривая, что она хочет нарисовать его портрет.

– О Сапфо! Моя царица! – прошептал тут же подбежавший к Сапфо Алкей, хватая ее руку липкой ладонью, перепачканной чем-то сладким. – Ты должна мне уступить мальчишку, Фаон – настоящее чудо. Я с удовольствием поселю его у себя и сделаю так, что он ни в чем не будет нуждаться...

– Поговорим об этом позже, – как можно сдержаннее и спокойнее ответила Сапфо. – Ты хорошо придумал насчет «фаоний»...

Сапфо вышла за дверь, но, чувствуя, как от нервного напряжения у нее дрожат колени, на минутку прислонилась к стене.

Как же точно выразилось смятение ее чувств в только что родившихся строках: да, жар во всем теле, язык немеет, пот струится, дрожь пробегает по позвонкам... Но это мучительное, страстное стихотворение забрало у Сапфо все силы без остатка.

...Зеленее
Становлюсь травы, и вот-вот как будто
С жизнью прощусь я.
Но терпи, терпи, чересчур далеко
Все зашло...¹⁶ —

прошептала Сапфо финальные строки, действительно почувствовала сладкий озноб во всем теле, холодной струйкой пота сбегаящий между лопаток.

Она растерянно ощупала свою пылающую голову и яростно зашвырнула в угол букет фиалок.

¹⁶ Перевод В. Вересаева.

Глава третья

Под взглядом Мнемосины

Сапфо легла, обхватив обеими руками мягкое ложе, как будто постель была сейчас для нее единственным спасением.

Впрочем, она действительно знала проверенный способ, безотказно помогавший в борьбе с самыми различными недугами. Стоило Сапфо хотя бы какое-то время провести в постели в полном одиночестве – без еды и без каких-либо забот, не тратя сил даже на то, чтобы пошевелить кончиками пальцев, – и она быстро приходила в себя.

Иногда на восстановление утраченных сил хватало часа или даже всего нескольких минут, порой желательно было поваляться в одиночестве целый день. И тогда откуда-то вдруг снова как по волшебству появлялись душевные силы и внутренняя ясность.

Само собой разумеется, в спальную комнату сразу же заглянули кое-кто из подруг и верная служанка Диодора, предлагая свою помощь. Но Сапфо отказалась от всех целебных снадобий, и очень скоро все оставили ее в покое.

Да и откуда Сапфо знала, от чего именно теперь ей лечиться?

Она лишь смутно догадывалась об этом, когда снова и снова повторяла про себя строчки последнего стихотворения, но старалась дальше думать на запретную тему.

«Опять меня мучит Эрот, расслабляющий члены, – сладко-горькое и непреодолимое чудовище»¹⁷, – вспомнила Сапфо свои собственные давние строки.

И откуда-то, словно из неясной дали, в душе нарастало смутное ощущение катастрофы.

Наверное, так испуганно вздрагивает земля перед землетрясением или перед извержением вулкана, в том числе вулкана задремавших в глубине душе чувств.

Но, подумав про огнедышащий вулкан, Сапфо тут же вспомнила про Эпифокла и невольно улыбнулась.

Смешной, замудривший сам себе голову старик!

Когда за столом зашел обязательный, как горькая, возбуждающая аппетит приправа, разговор о смерти, Эпифокл сделал странное заявление. Он сказал, что истинный философ должен сам управлять своей судьбой, а не подчиняться ее воле, и потому лично он давным-давно придумал, каким будет его конец. Итак, как только он почувствует, что его духовная жизнь подошла к концу, а физическая и так уже еле теплится, Эпифокл тут же покончит со своей телесной оболочкой. Он бросится в пылающий кратер вулкана под названием Этна!

И философ тут же принялся с самым серьезным видом аргументировать свою дику фантазию. Во-первых, смерть при этом наступит мгновенно и потому практически безболезненно, сделавшись в прямом смысле огненной точкой в конце достаточно яркой жизни ученого.

Во-вторых, никому не придется после его кончины возиться с бранным прахом, так как процесс сожжения мертвого тела произойдет естественным путем. В-третьих, у Эпифокла появляется шанс, что накопленная годами мудрость не пропадет даром, а переплавится в нечто ценное для потомков. Ведь, согласно древним преданиям, именно на Этне помещается невидимая для смертных мастерская Гефеста, который умеет ковать не только оружие, но также славу и бессмертие.

Ведь оживил когда-то Гефест прославленного ныне Пелопса, сына Тантала, когда в своем угодническом безумии папаша разрубил собственного сына на части и предложил пришедшим в гости небожителям блюдо из его мяса? И чем все это кончилось? Вечными муками в под-

¹⁷ Перевод С. Радцига.

земном царстве самого Тантала и вечной славой оживленного богами Пелопса, который теперь повсеместно почитается на Олимпийских играх как зачинатель соревнования в беге колесниц.

И так далее, и так далее, и так далее...

В порыве откровенности, а также под влиянием выпитого вина Эпифокл вдруг по «страшному секрету» поведал всем сидящим за столом, что везет с собой на Фасос, где он должен навестить известного мудреца Бебелиха, столько золота, что его хватит на золотые сандалии.

Эпифокл решил сделать себе такие сандалии, каких не носили даже фараоны, и обуется в них перед тем, как нырнуть в кипящую лаву.

– Пожалуй, мне следует проводить тебя не до гавани, а прямо до вулкана Этна, дорогой Эпифокл! – воскликнул Алкей. – Вдруг от страха ты так сильно взбрыкнешь ногой, что хотя бы одна сандалия останется на земле. Представляешь, сколько на это золото можно купить вина и закатить знатных пиров? Ты уж тогда постарайся, дерни ради нас в воздухе ногой посильнее!

Но, не обращая внимания на шутки, Эпифокл с жаром привел за столом двадцать четыре пункта в пользу своего неожиданного решения. Он почти убеждал собравшихся присоединиться к его замечательной затее. Всего один пункт нашелся «против», но зато такой, который вызвал у слушателей взрыв безудержного смеха.

Эпифокл не был до конца уверен, что, когда он дойдет в мыслях до последнего предела своего умственного истощения, у него хватит физических сил взобраться на вершину Этны, так как это не слишком-то легко сделать и выносливому, быстрогому юноше. Но забираться на вулкан заранее, пока он еще мыслит и должен закончить несколько философских трудов, тоже не имеет никакого смысла...

– Хм, вот и в этом, основном вопросе относительно нашей жизни и смерти, все тоже слитно, тесно все переплетено, – многозначительно улыбнулся, поддавшись всеобщему веселью, Эпифокл.

На самом деле он еще не решил, не отправиться ли ему к Этне заранее, чтобы вблизи пылающего кратера дожидаться своего последнего часа, или пока все же еще немного побродить по свету? Ответ на этот вопрос он как раз и надеется получить у знаменитого мудреца Бебелиха, обосновавшегося на Фасосе.

Поэтому все присутствующие за столом высказали бурную радость по поводу того, что сейчас Эпифокл направляется на остров Фасос, а вовсе не на Сицилию, в северо-восточной части которой как раз расположен постоянно кипящий вулкан Этна. Это был прекрасный повод лишний раз поднять за здоровье знаменитого философа кубки с вином.

Но, вспомнив про Сицилию, Сапфо словно увидела перед глазами начертанное светящимися буквами женское имя – Анактория... Оно прокатилось в памяти длинной, плавной волной, унося в далекое прошлое.

Анактория – это имя само по себе звучало как законченное стихотворение.

Можно было менять ударение и произносить это имя на разные лады, но оно все равно казалось Сапфо похожим на морскую волну. И всякий раз эта волна мысленно прибывала Сапфо к берегам Сицилии. Да и на вкус эта волна была такой же соленой, как слезы на щеках Сапфо в то далекое время, когда волей судьбы ее забросило на далекий благословенный остров.

О нет! Ей тогда не пришлось бросаться в кипящую лаву Этны или в морскую пучину, чтобы родиться заново, – это произошло само собой. И как раз на сицилийской земле, рождающей вулканы и прочие чудеса.

Может быть, к «перековке» ее судьбы действительно приложил руку хромой Гефест – угрюмый супруг прекрасной Афродиты? Или кто-нибудь из других богов?

Сапфо даже показалось, что и теперь она в комнате вовсе не одна. Возможно, это была тень Анактории – женщины, которая изменила до неузнаваемости ее жизнь. Или же это была

сама богиня памяти Мнемосина, как правило приходившая к Сапфо именно в облике Анактории.

Сапфо крепко зажмурилась, но так и не смогла отчетливо увидеть перед собой лицо Анактории. Какой она была? Красивой? Навряд ли. Молодой? Нет, она была гораздо старше Сапфо – лет на десять, а быть может, и на двадцать. Сапфо никогда не спрашивала о возрасте своей новой сицилийской подруги, а теперь ей тем более незачем было его знать.

Зато у Анактории были седые волосы, которые она не закрашивала, как делали многие женщины, а, наоборот, слегка подцвечивала какой-то особенной голубой краской. Поэтому ее голова всегда напоминала Сапфо снежную, недостижимую вершину высокой горы.

Глядя на эту вершину, можно было догадаться, что Анактория успела преодолеть немало лет-перевалов, пока добралась до сегодняшнего дня.

Но зато у Анакты было молодое, румяное лицо, на нем не было видно приметных, перепутанных дорожек из морщин – отражения тех невидимых путей, по которым на вершину лет забираются все смертные.

И это казалось Сапфо странным и загадочным – может быть, Анактория к своей удивительной мудрости перелетела на крыльях, по воле богов? Или она на самом деле была еще молода и лишь почему-то очень рано поседела? Но для молодой женщины Анактория была слишком мудрой и рассудительной, хотя иногда все же могла и повеселиться.

Пожалуй, эта неразрешимая загадка облика – «энigma Анактории» – крепче всего засела в памяти Сапфо, вытеснив другие воспоминания.

Ах, Сицилия, которую поэты и моряки еще называют Тринакрией – «треугольной страной»! – из-за ее характерного, гористого, побережья.

Когда-то ей пришлось временно покинуть и Лесбос, и родной город Эрес, чтобы отправиться на Сицилию из-за установления тирании и начавшимися в связи с этим волнениями в стране.

Многим тогда пришлось на какое-то время оставить родные края, и Сапфо тоже оказалась в числе тех, кто на большом корабле поспешно отправлялся в Сиракузы. А как же иначе? Ведь ее муж – отважный Керикл находился в первых рядах среди тех, кто вступил в борьбу с единовластием. И следовательно, его семье, даже если бы Сапфо спряталась в любом потаенном уголке Лесбоса, грозила смертельная опасность, как и родственникам всех противников новой власти.

Сапфо прекрасно понимала необходимость срочного побега из страны, когда ступала на корабль, отплывающий к берегам Сицилии, и даже подробно обсуждала это с родными Керикла, с кем ей пришлось делить тяготы морского путешествия. Но сейчас она думала об этой истории совершенно иначе.

Теперь Сапфо была уверена, что на самом деле отправилась тогда в столицу Сицилии вовсе не из-за политических распрей, в которые ее втянул не в меру воинственный супруг. Она была перенесена в Сиракузы по воле богов исключительно для того, чтобы встретиться с Анакторией.

После Сапфо не раз в шутку называла подругу своей Ананкой – неизбежной судьбой.

Всемогущие боги с их изобретательностью могли бы, конечно, придумать и какой-нибудь другой способ отправить Сапфо в «треугольную страну», но почему-то выбрали именно этот, не самый легкий и прямой.

Зато на том корабле, плывущем к Сицилии, подолгу, безотрывно глядя на убегающие вдаль волны, Сапфо впервые призналась сама себе, что на самом деле она спешит убежать не от гнева тирана, а от собственного мужа. Да-да, от всеми любимого и достойнейшего во всех отношениях человека, неподражаемого Керикла.

Но еще больше – от самой себя.

Во время этого длинного, вынужденного путешествия Сапфо не могла спать, потому что слишком сильно страдала от морской качки – она еще не знала тогда, что носит под сердцем ребенка! – и поэтому почти все время проводила на палубе. Она сидела на одном и том же месте, как застывшая статуя, и провожала глазами проплывающие мимо незнакомые берега, пенные волны, в которых попеременно отражались то солнечные лучи, то звезды, похожие на маленьких рыбок.

Сапфо давно сбилась со счета, сколько дней и ночей прошло за время долгого пути, и ни у кого не спрашивала, скоро ли они прибудут на место.

Она просто глядела на воду и думала о своем. Наверное, она тогда плыла не только в неведомую страну, но еще больше – в глубину собственной души, и потому это плавание представлялось ей бесконечным.

Подставляя щеки морскому ветру и соленым брызгам, Сапфо впервые отчетливо поняла, что больше всего на свете ее душа жаждет покоя и одиночества.

Ради этого она даже согласилась бы сейчас вовсе исчезнуть – например, стать волной или даже тенью волны на борту судна, превратиться в камень, ракушку.

Один раз Сапфо вдруг отчетливо представила себе, как превратилась в большую раковину: вот она покоится под толщей воды, поверхность которой только что пробороздил этот корабль, наполненный шумными людьми. Но судно проходит мимо, и на дне снова наступает полная, глубокая тишина, – и Сапфо почувствовала, что внутри нее начинает тихо, незаметно расти жемчужина...

Наверное, она тогда просто на какое-то время задремала и увидела сон, предупреждавший ее о беременности. Или о чем-то другом?

Проснувшись, Сапфо долго не могла забыть того счастливого ощущения, которое она испытала, превратившись в раковину.

Может быть, для того, чтобы пережить его снова, надо было просто шагнуть за борт и упасть на дно? И тогда кто-нибудь из богов сможет исполнить ее мечту – ведь небожители умеют творить любые метаморфозы: превращать людей в птиц и зверей – в камни...

Впрочем, нет – лучше бы они наслали внезапную бурю, которая разбила бы корабль о камни. Но при этом сделали так, чтобы все благополучно спаслись, не заметив исчезновения Сапфо. Тогда ей уже не пришлось бы возвращаться к прежней жизни, которая вызывала такую зависть окружающих.

Да что там – Сапфо и сама до последней минуты, пока не поднялась на свое судьбоносное, шаткое суденышко, была абсолютно уверена в непоколебимой крепости своего женского счастья.

И вдруг, когда из-под ног на какое-то время в буквальном смысле ушла земля и корабль на волнах закачался из стороны в сторону, Сапфо с ужасом поймала себя на мысли, что и в душе у нее, оказывается, тоже не осталось опоры, за которую можно было бы мысленно ухватиться.

Нечто подобное Сапфо впервые испытала примерно год назад, вскоре после свадебного торжества, когда со всех сторон до нее начали доноситься услужливые сплетни о многочисленных наложницах Керикла.

Теперь даже смешно вспоминать о том, какой же нестерпимой была обида молодой жены на всех этих сплетниц и продажных гетер. Все они бессонными ночами подвергались самым страшным проклятиям!

О, как же безутешны были рыдания Сапфо после очередных новостей о былых и даже – хотя это казалось вовсе немыслимым! – настоящих похождениях любимого супруга. Оказывается, она – не единственная, не самая-самая, вовсе не та, кто дороже солнечного света, как говорил однажды Керикл с дрожью в голосе. Она просто замужняя молодая женщина из бога-

той семьи, которая должна благодарить богов за то, что Керикл именно ее осчастливил своим выбором и взял в законные супруги.

Невинность моя, невинность моя,
Куда от меня уходишь?..
Теперь никогда, теперь никогда
К тебе не вернусь обратно¹⁸.

Сапфо до сих пор ясно помнила жесткую усмешку, появившуюся на губах Керикла, когда она попробовала завести разговор о его изменах.

«Тебе не нужно ничему удивляться, – сказал он тогда без малейшей тени смущения. – Так на земле всегда было и так будет. Потому что я – мужчина. И этим все сказано».

И Сапфо увидела, какой гордостью при этом вспыхнули его глаза. Как же она любила этот гордый, немного горбоносый профиль Керикла, когда он отворачивался и с победным видом смотрел куда-то вдаль, никого не замечая вокруг. Но, оказывается, не только она одна...

Она до сих пор помнила четкий, геометрический узор, которым был расшит край его широкого хитона, множеством складок напоминавшего остановившееся море.

Тогда, глядя на этот узор и стараясь сдерживать слезы, Сапфо впервые подумала, что муж действительно стал для нее линией горизонта, всем миром, вселенной... Но разве сам Керикл в этом нуждался?

Сапфо хорошо запомнила, какими холодными, словно сделанными из металла губами поцеловал Керикл последний раз ее в щеку на прощание, провожая на корабль, отплывающий к берегам Сицилии.

«Ты скоро вернешься домой, Сапфо, и родишь мне троих сыновей, которые разделят мою славу», – вот что сказал Керикл на пристани, строго глядя Сапфо в глаза.

Но наследника Керикл так и не дождался.

Вскоре, почти сразу же после прибытия в Сиракузы, беглецов догнала весть, что почти все мятежники погибли от руки тирана. Одним из первых в списке погибших значился Керикл.

Сапфо испытала при этом еще более странное чувство, чем даже то, которое посетило ее на корабле, – ей показалось, что она тоже умерла вместе со своим мужем и отправилась в царство вечных теней. Но только своей, особенной дорогой, незаметно пролежавшей где-то среди широких сиракузских улиц.

Та жизнь, которую Сапфо вела до и после замужества, вдруг мгновенно растаяла, исчезла, и на ее месте ничего не было – только бесплодная пустыня.

Сапфо гораздо дольше, чем положено, носила траурную одежду и действительно как живая тень бродила по Сиракузам, поражаясь щедрой роскоши и одновременно враждебности этого незнакомого города.

Она знала, что больше не захочет связывать себя узами брака, о чем шепотом, а то и вслух начала уже намекать преданная служанка Диодора.

Мол, такой умнице и красавице, как Сапфо, неприлично долго оставаться одной. И хотя чересчур торопиться не следует, но загонять раньше времени себя в могилу тоже не имеет смысла, к тому же ребенку, который уже начал шевелиться у Сапфо под сердцем, нужен отец...

Конечно бормотала словно бы сама себе под нос Диодора, люди не понимают, почему молодая, красивая женщина отвергает предложения от поклонников, которые тут же посыпались на нее, как внезапный снег на голову в середине лета. Они же не знают, как хозяйка любила своего красавчика Керикла. Но, с другой стороны, она, Диодора, пока что не слепая и видит, как на ее хозяйку пялятся прохожие, хотя Сапфо не носит украшений и не снимает траура...

¹⁸ Перевод В. Вересаева.

Сапфо молча слушала бормотания Диодоры, сидя на скамейке в тени деревьев или вечером перед горящим очагом, и они казались ей шумом дождя за окном, плеском морского прибоя, журчанием городского фонтана, но в любом случае чем-то таким, что не имело к ней ни малейшего отношения.

В Сиракузах Сапфо со своей служанкой поселились в богатом, прекрасно обставленном доме, обжитом уроженцами Лесбоса. Тогда все вновь прибывшие беглецы разместились под гостеприимным кровом своих бывших соотечественников, и лишь волею случая (всевышних богов!) Сапфо оказалась под покровительством именно этой богатой, бездетной пары – старого Трилла и его жены Анактории.

Сапфо была благодарна своим новым хозяевам за то, что они не донимали ее своей опекой, – предоставили комнаты, обильный стол, но при этом вовсе не докучали лишними расспросами и разговорами, на которые, как известно, бывают особенно падки женщины, закрытые мужьями в четырех стенах.

Трилл, похоже, вообще считал, что у Сапфо после известия о смерти мужа случился паралич языка. И порой ворчал, что хотел бы посмотреть, будет ли его женушка предаваться столь же безутешной печали после его смерти, и даже грозился устроить ей как-нибудь проверку.

Он вообще вел себя со своей женой на редкость бесцеремонно, постоянно осыпая ворчливыми упреками и не стеснясь в выражениях даже в присутствии посторонних людей.

Сапфо поражало, что Анактория – такая невозмутимо цветущая по сравнению со своим ссохшимся, злобным супругом! – не отвечала на его выпады ни единым словом и даже тихо улыбалась про себя, словно имела дело с несмышленным ребенком.

Признаться, Сапфо это даже удивляло: неужели привычка к обеспеченной жизни делает любую женщину столь покорной? Или здесь имела место какая-то странная форма любви, неведомая Сапфо?

Впрочем, Сапфо по-настоящему об этом не задумывалась, лишь иногда ее невольно охватывала жалость к Анактории.

Все-таки эта добрая женщина постоянно старалась как-нибудь по-своему, незаметно подбодрить и порадовать Сапфо: то присылала ей тарелку с изысканными пирожными или восточными сладостями, то украшала комнату печальной гостью свежими цветами или внезапно начинала петь в соседней комнате, аккомпанируя себе на лире, – не слишком громко, но достаточно для того, чтобы быть услышанной через приоткрытую дверь.

Именно она, Анактория, нашла в Сиракузах лучшего врача, который то и дело навещался в дом и следил за состоянием Сапфо, – ведь под складками туники у невеселой гостьи-молчуньи вскоре округлился большой живот. А потом она же отыскивала и сноровистых повитух, очень ловко и искусно принявших роды.

Сапфо даже и во время родов не кричала, словно подтверждая диагноз, поставленный Триллом, а только молчаливо вздыхала.

Вздыхнула Сапфо и тогда, когда узнала, что родилась девочка. Что поделать, Керикл так и не дождался наследника, который гордился бы славой своего воинственного отца. Но это был невольный вздох облегчения – слава богам, что теперь некому будет мстить обидчикам Керикла и тоже складывать голову в борьбе за власть.

Пусть лучше дочка учится вышивать и баюкает глиняных кукол – воображаемых героев.

Сапфо назвала новорожденную девочку Клеидой в честь своей матери, оставшейся на Лесбосе.

Но следом произошло еще одно событие, перевернувшее все в доме с ног на голову.

В тот момент, когда во внутренний двор внесли на связанных простынях красного как рак недвижимого Трилла, Сапфо подумала, что этот странный человек все-таки надумал устроить своей жене обещанную чудовищную проверку – не более того.

Но оказалось, что с Триллом в бане случился приступ, возможно, вызванный тем, что старик выпил слишком много вина, а потом еще все время просил подогревать угли, потому что его начал бить внезапный озноб.

Увы, это оказалось вовсе не злой шуткой – в тот же день Трилл скончался и отправился к своим предкам, не простившись ни со своей женой, ни с друзьями-собутельниками, ни с родственниками.

Дом, который только что был взбудоражен рождением дочки Сапфо и младенческими криками, теперь погрузился в траур: в нем зазвучали погребальные причитания.

Порой Сапфо даже приходило в голову, что именно она, сама того не желая, стала чуть ли не главной причиной гибели Трилла и соответственно несчастья Анактории, – они просто сами не заметили, как оказались охваченными невидимым круговоротом смутной, чужой тоски.

Но иногда вдруг к Сапфо являлась и вовсе страшная мысль: может быть, она ускорила также и гибель своего Керикла? Тогда, когда на корабле молилась по очереди всем богам, упрашивая, чтобы они научили ее, как ощутить в стиснутой вечными тревогами груди такие же свободу и покой, которыми обладают ветер, море, волны и даже парус, казалось бы накрепко привязанный к кораблю? Все – только не люди. Разве такая свобода доступна хотя бы одной женщине в мире?

Сапфо во всех подробностях помнила то утро, которое она теперь считает своим вторым днем рождения.

В окно светило солнце, кормилица только что принесла показать Сапфо розовощекую малышку – малютка Клеида уже научилась смешно морщить носик, с улицы были слышны звуки несмазанных тележек, на которых рыбаки везли с побережья на городской базар свежепойманную, еще живую рыбу.

Двое озорных мальчишек – наверное, это были дети кого-то из слуг – кидались друг в друга апельсинами, выкрикивая какие-то гортанные дразнилки. Кажется, кто-то из них случайно угодил в одну из лошадей, она рванулась в сторону и опрокинула тележку с морским грузом.

Вслушиваясь в сразу же поднявшийся за окном гомон, крики, смех, когда множество людей принялись вылавливать, теперь уже руками, прямо с земли, трепыхающихся рыбин, Сапфо впервые за долгое время почувствовала, что к ней тоже возвращается, казалось бы, навеки утраченная радость жизни. И тут же услышала, как в соседней комнате Анактория тихо заиграла на флейте, выдувая губами такую печальную мелодию, какой Сапфо не слышала никогда в жизни.

И тогда Сапфо не смогла справиться со своим чувством жалости: забежав в комнату Анактории, она начала просить у этой женщины прощения в том, что невольно своим появлением навлекла несчастья на ее дом.

«О нет, Сапфо, ты вовсе ни в чем не виновата, – подняла Анактория на Сапфо свои темные, загадочные глаза и вдруг добавила спокойно: – Мало того, мне кажется, что Тихэ наконец-то повернула ко мне свое лицо, но все еще никак не решится осчастливить меня окончательно».

И Анактория поведала Сапфо, что главная ее мечта – как можно скорее вернуться на Лесбос. Но пока что она не может покинуть Сиракузы, потому что вот-вот сюда должны явиться многочисленные племянники Трилла и другие желающие принять участие в дележке его немалого наследства. Поэтому пока что Анактория вынуждена оставаться в этом доме и петь печальные песни, а не плыть под легкими парусами в сторону родного острова, как бы ей того хотелось, – вот, собственно, и вся причина ее грусти.

«Ах, Сапфо, когда-нибудь ты тоже поймешь, что нам, женщинам, ничего не принадлежит на этом свете, кроме нашей души, – сказала тогда Анактория. – И потому мы должны изо всех

сил копить только те сокровища, которые находятся внутри нас самих. Но, к сожалению, очень немногие женщины умеют это делать.

Не грусти, Сапфо, – вот что также сказала Анактория, с улыбкой вслушиваясь в веселую возню рыбаков и детей за окнами. – Пусть мы, женщины, подобно несмышленным детям, не внесены в имущественные списки и даже не считаемся законными гражданами той или иной страны, но зато нам принадлежит весь мир. И он такой огромный, что о нем не догадывается ни один мужчина, даже если он объехал великое множество чужеземных стран.

Вот что я скажу тебе, печальная Сапфо, – продолжала Анактория. – Всякий человек за свою жизнь умирает не один раз. Ведь разлука – это тоже маленькая смерть. Ты мучаешься оттого, что не понимаешь, что с тобой происходит. А на самом деле ты умерла в тот момент, когда рассталась со своим супругом на пристани. Но лишь для того, чтобы снова возвратиться к жизни, к новой жизни... Ведь женщины – как многолетние цветы. Каждую весну они расцветают еще более пышным цветом на том месте, где недавно была голая земля...»

Признаться, Сапфо поначалу неприятно передернуло, когда Анакта назвала смерть своего престарелого мужа «улыбкой Тихэ». Но после того как та вдруг очень спокойно, но с обнажающей откровенностью рассказала, сколько унижительных моментов заставил пережить ее богатый самодур, Сапфо перестала осуждать эту женщину.

«Во-первых, я научилась просто не замечать присутствия этого человека, как умеем мы не обращать внимания на мышь, скребущуюся за стеной, – сказала Анактория. – А во-вторых, Сапфо, я ведь никогда не бываю одна».

«Ты хочешь сказать, что постоянно чувствуешь покровительство богов?» – осторожно спросила Сапфо, боясь ненароком обидеть женщину лишним напоминанием о ее бездетности.

«Нет, я не бываю одна, потому что со мной всегда есть я», – ответила Анактория, загадочно улыбаясь, и Сапфо поразились простой мудрости этих слов.

«Но... неужели тебе, Анактория, никогда не хотелось по-настоящему, страстно любить и быть любимой? И чтобы с этим человеком было все, все общее?» – выдохнула Сапфо, выдавая буквально помимо воли свое самое заветное желание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.